

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР ОБУЧЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ
ПРИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.Е. Чуров, Б.С. Эбзеев

**Глобализация.
Международные
гуманитарные стандарты.
Суверенитет России**

Москва
2015

«В мире XXI века на фоне новой расстановки экономических, цивилизационных, военных сил Россия должна быть суверенной и влиятельной страной. Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией».

В.В. Путин

В.Е. Чуров, Б.С. Эбзеев

**Глобализация.
Международные гуманитарные стандарты.
Суверенитет России**

Москва
РЦОИТ
2015

УДК 341.24
ББК 67.412.1
Г54

Издание осуществлено в рамках реализации Сводного плана основных мероприятий федерального казенного учреждения «Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации» по повышению правовой культуры избирателей (участников референдума) и других участников избирательного процесса, обучению кадров избирательных комиссий, мониторингу и совершенствованию избирательных технологий в Российской Федерации на 2015 год, утвержденного постановлением ЦИК России от 29 декабря 2014 года №266/1614-6.

Авторы:

В.Е. Чуров, Б.С. Эбзеев

Глобализация. Международные гуманитарные стандарты. Суверенитет России / В.Е. Чуров, Б.С. Эбзеев. – М.: РЦОИТ, 2015. – 80 с.

ISBN 978-5-93639-090-6

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2015
© Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации, 2015

ISBN 978-5-93639-090-6

Вводные замечания

Четверть века назад исчезла биполярная система. Не стало великого государства, павшего жертвой бесталанности собственного руководства, оказавшегося неспособным ответить на вызовы эпохи, ожидания собственного народа и непрекращающуюся информационную войну. Мир, однако, не стал более стабильным, деградируют ключевые международные институты. Авантюризм и готовность во имя собственных корыстных целей к попранию прав народов, обнаженно проявляющиеся в политике государств, объединенных Североатлантическим альянсом, подрывают основы современного мироустройства.

В практической политике Запад предпочитает руководствоваться не международным правом, а правом сильного. Югославия, Афганистан, Ирак, Ливия, череда управляемых «цветных» революций в государствах исламского мира, аналогичный сценарий, реализованный на Украине. Безответственные эксперименты грубого внешнего вмешательства в жизнь стран и народов стали обычным инструментом геополитики и передела сфер влияния.

Северная Америка и Западная Европа, уверовавшие в свою избранность, считают, что сила дает им право решать судьбы мира. Цинизм этой политики умножается тем, что она проводится под лозунгами демократизации режимов и привнесения в соответствующие страны прав человека. Оправдание этой политики ищут в возвышенном и лицемерном лжегуманизме, вера в который изрядно потускнела, и так называемых «мировых ожиданиях».

Не будем заблуждаться. Как говорил М. Горький, те, кто облек себя в броню лжи, нахальства и бесстыдства, не дрогнут перед судом своей совести. В действительности речь идет не о «мировых ожиданиях», а об обеспечении беспрепятственного доступа к ресурсам стран, не входящих в «золотой миллиард», потере народами, став-

шими жертвами этой политики, своей цивилизационной идентичности, а национальными государствами — своего суверенитета.

Едва ли можно спорить с тем, что глобализация есть объективная реальность, обусловленная замкнутостью планеты, формированием мирового хозяйства, глобальными коммуникациями и т.д. Обычно ее связывают с качественно более высокими уровнями интегрированности, целостности и взаимозависимости мира. Отсюда понимание глобализации как геоэкономического, геополитического и геогуманитарного явления, которое в том числе требует юридического осмысления и решения, основанного на единых для участников этого процесса организационных и регулятивных стандартах. Речь при этом обычно ведут об универсализации позитивного мирового опыта во всех основных сферах общественной жизни: экономике, государственно-правовых отношениях, культуре, этике, повышении темпов становления гуманной, справедливой и высокоразвитой мировой цивилизации¹.

При этом, как часто бывало в нашей истории, мы выдаем желаемое за действительное. Между тем глобализация как один из важнейших факторов мирового развития — это длительный исторический процесс, который сопровождается глобальной конкурентной борьбой. В этой борьбе активно используются средства политического, экономического, информационного и даже военного давления и по-разному распределяются негативные последствия глобализации и предоставляемые ею блага.

Сегодня очевидно, что характерная для современного мира конституционализация международных отношений и интернационализация внутригосударственного правопорядка, как и глобальные, и региональные инфраструктуры, и оформляющие их правовые системы, не в состоянии сами по себе гарантировать интересы участвующих в интеграционных процессах государств. В равной мере они не в состоянии блокировать экономическую или политическую экспансию отдельных государств или их группировок, объединенных тесными узами. Не случайно Агентство по развитию ООН много лет назад пришло к выводу, что «глобализация осуществляется прежде всего ради прибыли динамичных и мощных стран»².

¹ См.: Чумаков А.Н. Глобализация: контуры целостного мира. М., 2005. С. 3 и сл.

² См.: Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2002. С. 71.

Особо при этом следует иметь в виду, что гуманитарное сотрудничество — только одно из направлений цивилизационного развития, значение которого может проявляться в полной мере лишь при условии его сочетания с другими направлениями такого развития. Именно с учетом этого 10 мая 2005 года в ходе встречи на высшем уровне между представителями России и ЕС в Москве были приняты четыре «дорожные карты», в том числе по общему экономическому пространству, по общему пространству внешней безопасности, по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты. Эти «дорожные карты» воплощают концепцию четырех общих пространств и развивают в соответствующих сферах положения Соглашения о партнерстве и сотрудничестве 1994 года, являющегося основным документом, регулирующим отношения России и ЕС. При этом «дорожные карты» не являются юридически обязательными источниками права, это политические акты, акты «мягкого права» — *soft law*. Проблема, в разрешении которой западноевропейские партнеры России крайне медлительны, заключается в том, чтобы на их основе создать общие правила, сходное регулирование отношений, единые стандарты и согласующиеся нормы.

Поскольку авторы не связаны требованиями дипломатического этикета, они могут задать прямой вопрос: где эти «общие правила, сходное регулирование отношений, единые стандарты и согласующиеся нормы»? Их нет и не будет до тех пор, пока права человека будут использоваться партнерами России по Североатлантическому блоку в качестве троянского коня в информационной войне, теперь уже развязанной против нашей Родины. Действительной целью этой войны, как мы понимаем, является не утверждение достоинства и прав личности, а разрушение устоев, на которых зиждется государство в течение своей более чем тысячелетней истории.

Государство — наивысшая объективная форма социального сознания многонационального народа России и его политической самоорганизации, вне которой он развиваться не может. Реалии постсоветского мира оказались разительного не похожи на радужные картинки, которые рисовались два десятилетия назад. Мир жесток и беспощаден к слабому. Отсюда — насущная потребность в восстановлении потенциала государственного управления, без чего немислимы ни динамика, ни мощь Российского государства как субъекта социального служения и главной гарантии национальных

интересов и цивилизационной идентичности России. Главное – в учете потребностей экономического, социального, духовного развития страны, основанного на понимании специфики движения России к демократии и социальному правовому государству. В таком учете, свободном от иллюзий и чрезмерных надежд, и ясном осознании, что общепланетарная или региональная интеграция не ограничиваются только гуманитарной сферой – предпосылка и гарантия обеспечения национальных интересов России и эффективности конституционно-правового регулирования ее участия в такой интеграции.

XX век, отмеченный двумя мировыми войнами, особенно остро поставил перед человечеством вопрос о прочном и длительном мире. По результатам Второй мировой войны был создан главный международно-правовой документ современности – Устав Организации Объединенных Наций, который сформировал универсальные принципы межгосударственного сотрудничества. Проблема, однако, в том, что различные государства или группы государств, попирая свои обязательства, пытаются поставить международное право на службу собственному эгоизму. А это неизбежно приводит к девальвации международного права.

Мир стоит сегодня перед дилеммой: либо скатываться к дальнейшему размыванию основ миропорядка, к торжеству права силы, к кулачному праву, к умножению хаоса, либо коллективно принимать ответственные решения. Либо суверенные государства вполне вписываются в процессы глобализации и сохраняют контроль над своими национальными богатствами, либо они объявляются реликтами прошлого и оказываются на свалке политической истории!

Выбор России, в отличие от ряда иных государств, одержимых манией величия и готовых во имя претензии на мировую гегемонию и попрание фундаментальных основ международного права, предопределяется основополагающими принципами международного права, здравого смысла и логики мира³. Мы – за признание права каждого народа самому, без вмешательства извне, решать свои внутренние дела и отказ от попыток устанавливать над ними какие-

³ Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). М., 2013. С. 41.

либо формы господства или гегемонии либо включать их в «сферу интересов» какой-либо державы;

за строгое уважение территориальной целостности этих стран, неприкосновенность их границ и отказ от поддержки извне каких-либо сепаратистских движений, направленных на расчленение этих стран;

за безоговорочное признание права каждого государства на равноправное участие в международной жизни, на развитие отношений с любыми странами мира;

за полное и безоговорочное признание суверенитета государств над своими природными ресурсами, а также признание на деле их полного равноправия в международных экономических отношениях, равно как за соблюдение иных принципов межгосударственных отношений.

Этот выбор естественен для России в том числе в связи с тем, что наша Родина вместе с другими народами, объединенными в Союз ССР, заплатила за собственную свободу и освобождение всей Европы от коричневой чумы фашизма жизнями 27 миллионов своих сыновей и дочерей.

Западноевропейские бюрократы, как и их заокеанские кукловоды, забыли об этом сами и пытаются привить этот «ген забывчивости» своим народам. Мы же будем помнить об этом всегда, ибо твердо знаем: народ, который теряет память, теряет и совесть. Об этом особенно уместно напомнить в связи с тем, что Россия не получила приглашение на 70-летие освобождения Освенцима.

Уместно напомнить и о том, что не мы создавали «железный занавес», этот занавес возводили вокруг нас. Не мы развязали холодную войну, ее в течение многих десятилетий вели против нас. Не мы охвачены санкционным зудом, санкциями хотят сломить нас.

За последнюю четверть века мы во многом стали другими. Мы решительно избавляемся от всего, что препятствует развитию нашей страны в направлении, адекватном потребностям эпохи и конкретно-исторической ситуации. Мы — за открытость и равноправное сотрудничество в самых различных сферах — от экономики до культуры. Наш демократический выбор незыблем. Он базируется на конституционной идеологии свободы и справедливости и том «кодексе поведения» государств, который предписан им международным правом. Об этом уместно напомнить и себе, и другим.

Глобализация и конституционное опосредование общепризнанных принципов и норм международного права

Действующая Конституция Российской Федерации, развивая отечественный опыт взаимодействия национального и международного права и учитывая практику конституционного регулирования других государств, преодолела многие препятствия к открытости внутреннего правопорядка для норм международного права. В данном контексте весьма примечателен ряд положений преамбулы Конституции Российской Федерации, в том числе об осознании многонациональным народом Российской Федерации себя частью мирового сообщества, уважении к общепризнанным принципам равноправия и самоопределения народов, утверждении прав и свобод человека и гражданина как свидетельства ясного понимания объективного характера региональных, континентальных и планетарных интеграционных процессов и ориентации Российского государства на участие в них.

В развитие положений преамбулы часть 4 статьи 15 Конституции устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Словосочетание «общепризнанные принципы и нормы международного права» содержится также в статьях 17, 63, 69 Конституции Российской Федерации.

Отсюда, однако, не следует, что Конституция России воспроизвела так называемую монистическую теорию соотношения отечественного правопорядка и международного права, согласно которой они образуют единую систему. Напротив, в самом тексте части 4 статьи 15 Конституции отчетливо просматривается признание международного и внутригосударственного права двумя различными правовыми системами, что имеет под собой глубокие основания. В частности, международное право отличается от внутригосударственного права по объему регулирования, субъектам, процессам создания и источникам, гарантиям соблюдения и продолжает оставаться в основном межгосударственным правом. Что же касается Конституции, она устанавливает механизм их согласования и взаи-

модействия. Такие согласование и взаимодействие осуществляются в структуре национального правопорядка, в конституционных и отраслевых правоотношениях, а также в правоприменении, следовательно, функционально возложены не только на законодательную и исполнительную власть, но и правосудие.

Таким образом, нормативное содержание положений части 4 статьи 15 значительно богаче и не столь линейно, как это нередко интерпретируется. Во-первых, указанные положения представляют собой общую трансформацию общепризнанных принципов и норм международного права в качестве обязательных для субъектов российского права. Эти принципы и нормы в силу их опосредования Конституцией и прямого конституционного веления непосредственно обязывают законодателя, исполнительную власть и правосудие, ориентируют их, определяют пределы дискреции и устанавливают определенные запреты. При этом на федеральном законодателе также лежит обязанность по установлению санкций за нарушение указанных принципов и норм, воспринятых Основным законом России, субъектами внутригосударственного права.

Во-вторых, общепризнанные принципы и нормы международного права Основным законом содержательно сопрягаются с учредительной функцией Конституции, которой учреждена Российская Федерация, легитимируемая не только волей единой государственной гражданской нации России, но и получившими всеобщее признание в современном мире началами организации и функционирования межгосударственной системы (преамбула); составляют интегральную часть правовой системы России (часть 4 статьи 15); являются критерием, которым руководствуется Российское государство, признавая, то есть определяя круг, объем и пределы, и гарантируя, то есть юридически, организационно и материально обеспечивая права и свободы человека и гражданина (статья 17); устанавливают пределы усмотрения Российской Федерации при предоставлении убежища политическим эмигрантам (части 1 и 2 статьи 63); наконец, составляют основу конституционного статуса коренных малочисленных народов и обязывают Российское государство гарантировать этот статус на уровне не ниже, чем это предусмотрено указанными принципами и нормами (статья 69).

В-третьих, Конституция раскрывает основные признаки указанных принципов и норм, в том числе императивность содержа-

щихся в них велений как проистекающих из воли народа как конституционного законодателя («Мы, многонациональный народ Российской Федерации..., исходя из общепризнанных принципов»), универсальность в смысле всеобщего признания, что выражается в самом их обозначении в качестве общепризнанных, юридическую обязательность для субъектов российского права, поскольку эти принципы и нормы признаны Россией и в силу этого входят в ее правовую систему.

В-четвертых, Конституция, не устанавливая общий примат международно-правовых принципов и норм над внутригосударственным правопорядком, закрепляет приоритет международного договора Российской Федерации в применении, если и поскольку между ним и нормой национального закона возникла коллизия. Это означает, что нормы закона, предусматривающие иные правила, чем установленные договором, сохраняют свою юридическую силу, но не применяются при разрешении дел, касающихся государства, также участвующего в соответствующем договоре.

В-пятых, Конституция различает понятия действия договора, и в этом случае речь идет об обязывающей силе договора для государства в целом или в лице соответствующих органов, например об обязанности законодателя или иного нормодателя России, и применения. Отсюда — разграничение самоисполнимых и несамоисполнимых договоров, с одной стороны, и пределы приоритета международного договора в применении в случае его коллизии с национальным правопорядком. В частности, Конституция в иерархии правовой системы занимает доминирующее положение и в случае коллизии с ней норм международного договора в силу части 1 статьи 15 всегда обладает безусловным верховенством; преимущественно перед федеральным законом в применении обладают только ратифицированные федеральным законодателем международные договоры, что же касается межправительственных или межведомственных соглашений, они таким преимуществом по отношению к национальному закону не обладают, что вытекает из взаимосвязанных положений статей 10, 71, 86, 90, 105, 106, 107, 113, 114, 125 и др.

В-шестых, из системного единства Конституции и права России в целом следует, что общепризнанные принципы и нормы международного права также образуют системное единство, что требует учета их взаимосвязанности. Указанные принципы и нормы в рав-

ной мере императивны, и каждый из них должен рассматриваться в контексте всех других принципов, что, в частности, исключает их оценку в качестве якобы противоречащих друг другу или вступающих в противоречие с Основным законом. Кажущееся противоречие особенно часто наблюдается при сопоставлении принципов самоопределения народов, а также политического единства и территориальной целостности государств.

В-седьмых, Конституция, различая общепризнанные принципы и общепризнанные нормы международного права, не содержит определения понятия этих принципов и норм, как не называет и их источников. В ней нет также прямых указаний на методы их выявления и способы установления содержания, что само по себе предполагает достаточно широкую дискрецию федерального законодателя, главы государства, правительства, других органов исполнительной власти Российской Федерации. В связи с этим существенно возрастает и роль судов Российской Федерации, особенно высших.

Несмотря на огромное количество международных договоров и обычаев, число действительно универсальных международно-правовых принципов и норм, получивших всеобщее признание, относительно невелико. Сосредоточенные главным образом в Уставе ООН, они занимают главенствующее в иерархии норм международного права положение⁴.

Эти принципы и нормы, в основном покрывающие сферу межгосударственных отношений, не могут быть отменены государствами ни в индивидуальном порядке, ни по взаимному согласию. При этом Устав ООН, закрепляя в статье 2 комплекс принципов в качестве обязательных для государств — членов ООН, в ее пункте 6 особо оговаривает, что ООН «обеспечивает, чтобы государства, которые не

⁴ В постановлении по делу о делимитации морской границы в районе залива Мэн, Канада против США, 1984 года Международный Суд ООН отметил, что применение в сочетании отчасти совпадающих по значению терминов «норма» и «принцип» передает одну и ту же идею... принципы включают в себя нормы международного права, а употребление термина «принципы» обосновано их более общей и фундаментальной природой. См.: Тузмухамедов Б.Р. Международное право в конституционной юрисдикции: Хрестоматия. М., 2006. С. 159. В отечественной юридической практике легальное определение общепризнанных принципов и общепризнанных норм и их разграничение дано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов международного права и международных договоров Российской Федерации». См.: БВС РФ. 2003. № 12.

являются ее членами, действовали в соответствии с этими принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности». А согласно статье 103 Устава в том случае, когда обязательства членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу.

Указанные принципы нормативно раскрываются в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 года, и Декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях, содержащейся в Заключительном акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 года. Содержание указанных принципов может раскрываться также в иных документах ООН и ее специализированных учреждений⁵.

В науке международного права обычно выделяют следующие общепризнанные принципы международного права: суверенного равенства государств; невмешательства во внутренние дела; равноправия и самоопределения народов; неприменения силы или угрозы силой; мирного урегулирования споров; нерушимости границ;

⁵ В отечественной конституционно-правовой литературе порой общепризнанные принципы международного права безосновательно отождествляются с упоминаемыми в статье 38 Статута Международного Суда ООН наряду с договорами и международными обычаями как «доказательствами всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы» «общими принципами права», которые упоминаются также в части 2 статьи 7 Европейской конвенции 1950 года и при этом интерпретируются в духе естественно-правовой доктрины.

Напротив, в науке международного права за редким исключением под «общими принципами права» в смысле статьи 38 Статута Международного Суда ООН понимаются традиционные юридические постулаты, известные еще римскому праву (закон не имеет обратной силы, специальный закон имеет преимущество перед общим законом, договоры должны соблюдаться, право не может возникнуть из правонарушения и т.д.). Они действительно свойственны как международному, так и национальному праву, что, однако, не позволяет указанные принципы интерпретировать как тождественные общепризнанным принципам международного права (см.: Международное право: Учебник для вузов / Под ред. Г.В.Игнатенко – 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. С. 92; Международное право: Учебник / Отв. ред. В.И.Кузнецов. М., 2001. С. 75; Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право: Учебник. М., 2004. С.106–107.

территориальной целостности государств; уважения прав человека и основных свобод; сотрудничества государств; добросовестного выполнения международных обязательств. Причем Декларация 1970 года особо оговаривает, что указанные принципы взаимно связаны и каждый из них должен рассматриваться в контексте всех других принципов, что принципиально важно для их непротиворечивого толкования и применения.

В связи с этим вызывает возражение оторванное от реалий современного этапа развития международного права или прямо игнорирующее их и не столь безобидное, каким оно кажется на первый взгляд, утверждение, поскольку оно адресовано в качестве ориентира юридической практики, что «перечень общепризнанных принципов международного права не может быть, во-первых, исчерпывающим; во-вторых, только нормативно закрепленным». Из такого утверждения следует эклектическое соединение воедино действительно общепризнанных принципов международного права и принципов, составляющих основу национального правопорядка или правосознания. Юридический романтизм столь же опасен, как и юридический нигилизм.

Другое дело, что процесс развития этих принципов нельзя считать завершенным. Они являются тем фундаментом, на котором формируется следующий, более конкретный и формально определенный с точки зрения прав и обязательств участников международного общения, слой международного правопорядка. В этом последнем случае, однако, также нельзя забывать, что международное право выросло и развивалось как результат отношений именно между государствами, которые и ныне продолжают оставаться основными субъектами международного права; оно, в свою очередь, создается путем согласования воли участников межгосударственных отношений, которые участвуют в этих отношениях на основе юридического равенства и по собственному волеизъявлению становятся субъектами международно-правовых отношений.

В связи с этим не следует преувеличивать и значение установленного Конституцией в части 3 статьи 46 прямого доступа индивидов в международные органы в целях защиты своих прав. Такой доступ прямо обусловлен согласием Российского государства, которое взяло на себя соответствующие обязательства, гарантируемые правовыми и организационными средствами, носит субсидиарный

по отношению к внутригосударственным средствам правовой защиты характер и сам по себе не является свидетельством международной правосубъектности индивидов, во всяком случае в контексте определяемого Конституцией Российской Федерации соотношения международного и внутригосударственного права. Мы ратифицировали в 1998 году Европейскую конвенцию 1950 года и признали юрисдикцию Европейского суда по правам человека. Но это не означает, что мы кому бы то ни было уступили правозащитную функцию Российского государства.

Существенное значение для составления адекватной картины конституционно-правового механизма реализации международных обязательств в правовой системе России имеет конституционное разграничение действия и применения международных договоров Российской Федерации. Прямое действие договора еще не означает возможности его непосредственного применения. В частности, согласно части 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерацией принимаются соответствующие правовые акты.

Этим предопределяются пределы судебного применения международного договора Российской Федерации: если он был ратифицирован, вступил в силу, официально опубликован и не требует издания дополнительных внутригосударственных нормативных актов, то положения такого договора действуют непосредственно и имеют приоритет в применении по отношению к противоречащим им правилам, содержащимся в законе. Данный вывод Верховного Суда Российской Федерации, сделанный ранее в постановлении № 8 его Пленума от 31 октября 1995 года «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», получил подтверждение в постановлении № 5 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года⁶.

⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12.

Таким образом, из Основного закона России ни в коем случае не следует надконституционность общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров, которые в основном покрывают сферу межгосударственных отношений. Но эти принципы и нормы, выражающие общечеловеческие ценности и соответствующие интересам всех народов, не являются чем-то внешним по отношению к Конституции, а в силу волеизъявления конституционного законодателя выступают частью российской конституционной системы.

Данные принципы «вмонтированы» в ткань Конституции и составляют ее содержательную характеристику, а нормы Конституции, ориентирующие внешнюю политику государства или закрепляющие конкретные права и свободы человека и гражданина, должны толковаться и применяться согласно этим принципам и нормам и конкретизирующим их актам и не могут вступать с ними в коллизию. Речь идет о принципиальном согласии Российского государства со сложившимися международными стандартами и конституционном восприятии их в качестве масштабов правотворчества и правоприменения.

Что же касается международных договоров России, они, будучи равны по статусу федеральному закону, обладают приоритетом в применении. При этом Конституция в самой себе содержит механизм интеграции в правовую систему России новых принципов и норм (а это не статичная, но развивающаяся система), а также международных договоров Российской Федерации. Тем самым опосредуются основные тенденции мирового развития, предопределяемые тем миропорядком, который сложился в результате Второй мировой войны, но сегодня подвергается жестокому испытанию.

Становление международных гуманитарных стандартов: нормативная база и тенденции развития

Для нормативного сознания народов в глобализирующемся мире и его правового развития характерны два взаимосвязанных встречных процесса: интернационализация внутригосударственного регулирования и конституционализация международных отношений. Она отражает объективные процессы международной

конституционализации — региональной, континентальной, глобальной, влекущей взаимозависимость и взаимную ответственность государств, не свойственных традиционному пониманию государственного суверенитета, пишут наши зарубежные коллеги. Их источником выступают фундаментальные императивные международно-правовые нормы — «*jus cogens*». Они так же обязательны для государств, как и нормы, обязательные для всех («*obligations erga omnes*»). И те, и другие относятся к сфере общих вопросов человечества и являются источниками обязательств и обязанностей государств.

Следует согласиться и с тем, что глубокие изменения происходят в международном правотворчестве, наряду с традиционными источниками международного права (международные договоры и международные обычаи) принимаются многосторонние международные договоры с «квазиуниверсальным членством» (Устав ООН, международные пакты о правах человека и др.), которые охватывают широкие или даже всеобщие интересы и ценности и могут рассматриваться как воплощение коллективной воли человечества. Важным шагом на пути к конституционализации международного сообщества является существование одновременно с международным законодательством института независимой судебной власти⁷.

Главный вопрос, однако, в том, что означает «нетрадиционное понимание государственного суверенитета» и на какой основе должна происходить конституционализация международного правопорядка, гарантируемая независимой судебной властью? Юридическим фундаментом общепланетарного сотрудничества государств в гуманитарной сфере является Устав ООН, в статье 1 которого по инициативе СССР в качестве одной из целей Организации было указано на необходимость сотрудничества «в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии». Это означало восприятие сложившихся в европейском конституционализме представлений о взаимодействии естественно-правовых и позитивно-правовых принципов в сфере межгосударственных отношений. Именно из этого, развивая при этом положения Устава ООН, которым впервые

⁷ См: Loughlin M. What is constitutionalisation? // *The twilight of constitutionalism?* / Ed. By Petra Dobner, Martin Loughlin. — Oxford: Oxford univ. press, 2010. — P. 48–73.

осуществлено принципиальное международно-правовое признание прав человека, исходит принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года Всеобщая декларация прав человека, состоящая из 30 статей.

Согласно преамбуле Декларации, в силу всеобщего признания государствами приобретшей характер юридически обязательного акта, основные права человека коренятся в достоинстве и ценности человеческой личности, следовательно, все члены семьи народов должны пользоваться равными и неотъемлемыми правами. На государствах лежат обязанность уважать эти права, чтобы люди не были вынуждены прибегать к мерам сопротивления против тирании и угнетения.

Не следует в связи с Декларацией 1948 года ни пытаться спекулировать на том, что СССР воздержался при голосовании в Генеральной Ассамблее ООН по проекту соответствующей резолюции, ни стыдиться этого. Наша делегация тогда же объяснила свою позицию: Декларация не содержит осуждения фашизма, она также не предусматривает гарантии провозглашенных ею прав и свобод. В эпоху, когда над полями сражений не рассеялся пороховой дым, а раны, нанесенные человечеству фашизмом, обильно кровоточили, эту позицию можно было понять.

Сегодня важнее другое: государства в современном мире не только нравственно обязаны признавать принципы Декларации в качестве руководящего правила своей деятельности, но и несут соответствующие юридические обязательства с таким содержанием. В силу всеобщего признания Всеобщая декларация прав человека в современном международном праве приобрела характер правового обычая, обязательного для исполнения. Такое признание осуществляется в различных формах и нередко носит эксплицитный, то есть открыто и явно выраженный характер. Сошлемся в качестве примера на пункт V статьи 6 Конституции Боливии 1967 года (в редакции 2004 года): «Понятие основных прав и гарантий личности толкуется и применяется согласно положениям Всеобщей декларации прав человека и ратифицированных Боливией в данной сфере международных договоров, соглашений и конвенций».

Оно может выражаться и в актах региональных международных организаций, как это сделано в преамбуле Африканской Хартии прав человека и народов, принятой на встрече глав государств —

членов ОАГ в 1981 году, которые выразили свою решимость «строго руководствоваться Уставом Организации Объединенных Наций и Всеобщей декларацией прав человека». Такое признание может носить и имплицитный характер, то есть выражаться в неявной или подразумеваемой согласии государства форме, например, в актах органов судебной власти, особенно судебного конституционного контроля, что, в частности, характерно для Российской Федерации.

Несомненно, однако, что изначально присущий Декларации характер рекомендации требовал ее дополнения двумя договорами, которые налагали бы на государства конкретные обязательства по содержанию декларации и, кроме того, устанавливали бы определенные санкции в случае нарушения своих обязательств. Эта задача была решена двумя международными пактами 1966 года: о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах, выросших, как следует из их преамбул, из Всеобщей декларации прав человека, в которых предусмотрены конвенционные обязательства государств-участников уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в этих пактах.

Исторический период, в котором разрабатывались и принимались пакты, отмеченный размахом национально-освободительных движений народов колоний и зависимых стран, обусловил указание в обоих пактах на взаимосвязь принципа уважения прав человека с принципом самоопределения народов, в силу которого они свободно устанавливают свой политический статус и культурное развитие. Особенно значимо, причем не только для освободившихся от колониальной зависимости, но в условиях глобальной конкуренции с характерным для него экономическим, политическим, информационным, а в последние годы и усиливающимся военным давлением и борьбой за ресурсы, указание на то, что «все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами... Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования». Такая международно-правовая гарантия свободного экономического развития народов имеет принципиальное значение для реализации прав и свобод человека. Не в этом ли истинная подоплека так называемых цветных революций, теорий минимизации и преодоления государственного суверенитета, который якобы является главной

угрозой человеку в современном мире? Надо быть очень наивным человеком, чтобы этого не понимать!

Пакты 1966 года установили международные стандарты гражданских и политических, а также экономических, социальных и культурных прав, реализуемых государствами-участниками посредством национального законодательства и установленного им правозащитного механизма. Небезынтересно отметить, что СССР первым из числа великих держав – постоянных членов Совета Безопасности ООН ратифицировал в 1973 году указанные пакты. Франция последовала этому примеру в 1980 году, Китайская Народная Республика – в 2001 году. Великобритания не участвует в пактах, США, подписав пакты в 1977 году, до настоящего времени ратифицировала только один из них (о гражданских и политических правах), отправляясь при этом от аргументов, проистекающих из национального права: экономические, социальные и культурные права выходят за рамки прав, содержащихся в Конституции США; федеративное государство не может принять на себя обязательство гарантировать осуществление пактов 1966 года на территории штатов.

Но вернемся на стезю сухой юриспруденции. Предусмотренные пактами права не являются субъективными правами в традиционном строгом истолковании этого понятия, они являются элементами правосубъектности человека, признание которой осуществляется государствами в их внутреннем законодательстве, устанавливающим судебный и иной механизм защиты и восстановления нарушенных прав, благодаря которым рефлексивные права приобретают характер субъективных прав человека и гражданина. В связи с этим защита прав человека остается в основном внутренним делом государств⁸. Как писал выдающийся отечественный юрист С.Б. Крылов, принимавший участие в разработке Устава ООН, «индивид защищается не непосредственно международным правом, а лишь через посредство внутригосударственного права...», что постановления Устава ООН об основных свободах и правах человека, «обязывая государства – члены Организации, не сообщают индивидам качеств непосредственного субъекта международного права»⁹. С ним согла-

⁸ См.: Мовчан А.П. Права человека и международные отношения. М., Наука, 1982; Mosler H. The international society as legal community. Alphen an den Reijn. 1980.

⁹ Крылов Б.С. История создания Организации объединенных наций: Разработка текста устава ООН (1944–1948). М., 1960. С. 259.

шался автор одного из самых авторитетных в мире курсов международного права: в международных договорах о правах человека «обыкновенно речь идет о правах, которые указанные лица должны приобрести как права, вытекающие из договоров, но, как правило, это является не чем иным, как неточным выражением. На практике такие договоры не создают прав, а лишь налагают обязанность на договаривающиеся государства проводить эти права в жизнь посредством своего законодательства»¹⁰.

Это вовсе не означает, что государство вправе по собственному усмотрению обращаться с гражданами и иными лицами, пребывающими под его юрисдикцией. Напротив, из Устава ООН, Всеобщей декларации прав человека, международных пактов о правах защита прав человека принципиально относится к области международного права. Без учета этих взаимосвязанных аспектов адекватный вывод об институте международной защиты прав человека и действующих в его рамках правовых механизмах невозможен.

Указанные пакты явились третьим этапом непрерывного, охватывающего два столетия процесса борьбы за повышение статуса правовых норм, защищающих права человека. Первым историческим этапом этой борьбы было возведение этих прав в ранг закона с целью гарантировать их защиту от злоупотреблений со стороны верховной власти. Вторым этапом было их включение в тексты конституций, в результате чего защита прав человека и основных свобод, возложенная на судебные органы, была ограждена не только от злоупотреблений со стороны органов исполнительной власти, но и от решений постоянно меняющегося большинства в парламентах.

Нередко утверждается, что перед современным международным правом стоит проблема заключения договоров, которые позволят международным органам осуществлять прямой контроль за соблюдением прав человека, что ликвидирует их зависимость от возможных изменений самой конституции или даже ее отмены¹¹. Другой вопрос, насколько велика возможность решения этой проблемы в обозримом будущем? «После исчезновения биполярной системы на планете не стало больше стабильности. Ключевые

¹⁰ Оппенгейм Л. Международное право. М., 1950. Т. 1, полутом 2. С. 202.

¹¹ Де Аречага Эдуардо Хименес. Современное международное право. Пер. с исп. / Под ред. Г.И. Тункина. М., 1983. С. 263.

международные институты не укрепляются, а часто, к сожалению, деградируют. Наши западные партнеры во главе с Соединенными Штатами Америки предпочитают в своей практической политике руководствоваться не международным правом, а правом сильного. Они уверовали в свою избранность и исключительность, в то, что им позволено решать судьбы мира, что права могут быть всегда только они. Они действуют так, как им заблагорассудится: то тут, то там применяют силу против суверенных государств, выстраивают коалиции по принципу «кто не с нами, тот против нас». Чтобы придать агрессии видимость законности, выбивают нужные резолюции в международных организациях. А если по каким-то причинам этого не получается, вовсе игнорируют и Совет Безопасности ООН, и ООН в целом»¹².

С этим трудно не согласиться. Именно так было в Югославии. Потом были и Афганистан, и Ирак, и откровенные нарушения резолюции СБ ООН по Ливии, когда вместо обеспечения так называемой бесполетной зоны начались бомбежки. Была и целая череда управляемых «цветных» революций. Подобный сценарий был реализован и на Украине. Тем самым под угрозу поставлен весь послевоенный миропорядок, попираются фундаментальные принципы, составляющие его краеугольную основу. Странам и народам навязываются стандарты, которые не соответствуют образу жизни, традициям и культуре народов. В результате вместо демократии и свободы – хаос, вспышки насилия, череда переворотов. Не они ли ферментируют международный терроризм?!

Столь же часто утверждается, что самым совершенным и эффективным договором в области прав человека в мире является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, подписанная 4 ноября 1950 года в Риме¹³. Изначально зависимый от доброй воли государств-участников международный контрольный механизм, установленный конвенцией, благодаря принятым 14 Протоколам к ней сегодня существенно усилен. Индивидуаль-

¹² Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации двух новых субъектов. М., 2014. С. 17–18.

¹³ См.: Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная Хартия: право и практика. М., 1998.

ные жалобы принимаются Европейским Судом по правам человека независимо от отношения к ним государства-участника, причем сами индивидуальные жалобы приравнены к жалобам государств, на участников Конвенции возложена обязанность исполнять окончательные решения суда и т.д. Тем самым вопросы прав человека в правовом пространстве Европы не только не относятся к числу относящихся исключительно к внутренней компетенции государств-участников, но сам человек обладает в установленных конвенцией пределах международной правосубъектностью.

18 октября 1961 года была подписана Европейская социальная хартия, вступившая в силу 26 февраля 1965 года. Тем самым европейские гуманитарные стандарты были дополнены рядом экономических, социальных и культурных прав. 1 июля 1999 года вступила в силу пересмотренная Социальная хартия, принятая 3 мая 1996 года. Федеральным законом от 3 июня 2009 года Европейская социальная хартия (пересмотренная) ратифицирована Российской Федерацией, которая приняла на себя обязательства в отношении ряда ее положений. В частности, речь идет о соблюдении положений Хартии о праве на труд и праве на справедливые условия труда, праве на охрану и гигиену труда, праве на справедливое вознаграждение за труд, праве на объединение, праве на коллективные переговоры, праве детей и молодежи на защиту, праве работающих женщин на охрану материнства, праве на профессиональную ориентацию, на профессиональную подготовку, праве на охрану здоровья, социальное обеспечение, социальное обслуживание, праве инвалидов на независимость, социальную интеграцию и на участие в жизни общества, праве семьи на социальную, правовую и экономическую защиту и др. Социальная хартия, однако, не предусматривает судебных органов и подачи индивидуальных жалоб.

Чтобы стать «самым совершенным и эффективным договором в области прав человека в мире», Конвенции 1950 года, первоначально предусматривавшей только право петиций и образование комиссии для их рассмотрения, которая в свою очередь могла представлять на разрешение этого суда жалобы на нарушение прав человека, понадобилось несколько десятилетий. Подобно этому можно предполагать, что процесс совершенствования региональных правозащитных механизмов, сложившихся значительно позднее, будет продолжаться.

В частности, Европейская конвенция оказала существенное влияние на содержание Межамериканской конвенции по правам человека, принятой 20 ноября 1969 года. Конвенция содержит главным образом гражданские и политические права. Что же касается контроля за выполнением государствами-участниками своих обязательств, он возложен на Межамериканскую комиссию по правам человека и Межамериканский суд по правам человека, статус, функции и полномочия которых также несут на себе отпечаток Конвенции 1950 года.

Согласно Африканской хартии прав человека и народов 1981 года в рамках ОАЕ создана Африканская комиссия по правам человека и народов для развития и защиты этих прав в Африке, состоящая из 11 членов. Спустя два десятилетия африканские государства сделали существенный шаг в совершенствовании регионально-го правозащитного механизма: в 1998 году был принят и в 2004 году вступил в силу Протокол об Африканском суде прав человека и народов, а в 2003 году – Протокол о правах женщины в Африке («Протокол Мапуту»), вступивший в силу в 2005 году. Юрисдикция суда, состоящего из одиннадцати судей, избираемых на шесть лет, распространяется на переданные в его ведение дела и споры, касающиеся толкования и применения Хартии и протоколов к ней. В частности, суд наделен правом рассмотрения жалоб на нарушение прав человека и народов, которые направлены Африканской комиссией по правам человека и народов, государствами-участниками, а также африканскими межправительственными организациями. Суд может выносить также консультативные заключения. Повышению эффективности наднационального судебного органа по защите прав человека, несомненно, будет служить легитимация его полномочия рассматривать индивидуальные жалобы.

Всеобщая исламская декларация прав человека, закрепляя основные международно признанные права и свободы человека, в отличие от западной либеральной концепции, усматривающей смысл закрепления прав человека в их охране от посягательства со стороны государства, именно государство, связанное шариатом, рассматривает как главного гаранта прав и свобод человека¹⁴. По-

¹⁴ См.: Аль-Газали М. Ислам и права человека. М., 2006; Сюкияйнен Л.Р. Исламское право и диалог культур в современном мире. М., 2008.

жалуй, именно этим во многом обусловлено отсутствие в настоящее время разработанного в рамках указанной Декларации правозащитного механизма: «В силу божественных источников и освящения» права человека «не могут быть ни ограничены, ни отменены, ни нарушены властями, ассамблеями или другими институтами, также как нельзя от них отречься или отказаться».

Тем самым исламский мир пришел не только к принципиальному международно-правовому признанию прав человека и установил их перечень, но и вменил соответствующим государствам в обязанность гарантировать эти права, составляющие «идеальный кодекс прав человека», предписанный божественным законом, не допускающим отклонений. Следовательно, уважение и соблюдение прав человека не относятся исключительно к внутренней компетенции соответствующих государств, но их гарантирование – предмет самостоятельных действий государств, разделяющих принципы Всеобщей исламской декларации прав человека.

Прекращение Союза ССР активизировало поиск надгосударственных правозащитных механизмов в постсоветских странах, объединившихся в Содружество независимых государств. Уже в Соглашении от 8 декабря 1991 года, которым было образовано СНГ, его участники обязались «соблюдать общепризнанные международные нормы о правах человека и народов» (преамбула), а также приняли на себя обязательства «гарантировать своим гражданам независимо от национальности или иных различий равные права и свободы», равно как «гарантировать гражданам друг друга, а также лицам без гражданства, проживающим на их территории, независимо от национальной принадлежности или иных различий гражданские, политические, социальные, экономические и культурные права и свободы в соответствии с общепризнанными международными нормами о правах человека». Особо оговорили члены Содружества обязательства по защите национальных меньшинств: «Высокие договаривающиеся страны, желая способствовать выражению, сохранению и развитию этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности населяющих их территории национальных меньшинств и сложившихся уникальных этнокультурных регионов, берут их под свою защиту» (статья 3).

В ряду принятых в рамках СНГ актов центральное место занимает Конвенция Содружества Независимых Государств от 26 мая

1995 года о правах и основных свободах человека. Конвенция закрепила практически все гражданские и политические, а также экономические, социальные и культурные права, содержащиеся во Всеобщей декларации прав человека и в пактах о правах человека. Составной частью Конвенции является Положение о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств, утвержденное Советом глав государств СНГ в сентябре 1993 года. Комиссия должна рассматривать межгосударственные сообщения о нарушениях прав человека, а также индивидуальные и коллективные обращения по этим вопросам любых лиц и неправительственных организаций. После их обсуждения должны приниматься заключения и рекомендации¹⁵.

Таким образом, можно констатировать, что ценности, предопределяемые всеобщей человеческой природой, стали основанием, на котором зиждется не только конституционный, но и международный правопорядок: права и свободы являются всеобщим критерием объективной характеристики права в современном мире, назначение которого – в обеспечении свободы человека. Этим предопределяется назначение нашей Конституции как способа закрепления и выражения высших правовых норм, продиктованных нормативным сознанием народа; им не могут противоречить никакие акты позитивного права, действующие в государстве либо принятые в межгосударственных отношениях.

Но это вовсе не означает отказа от собственной исторической идейной традиции или нравственных устоев народов, как не требует всесторонней перековки социальных и юридических установлений. Мы убеждены, что повышение эффективности межгосударственного сотрудничества в сфере прав человека, действительно требующее рационализации способов их защиты и совершенствования, зависит в огромной степени от того, в какой мере эти особенности будут учитываться и уважаться всеми государствами в их взаимоотношениях.

В связи с этим международная конституционализация неизбежно встает перед дилеммой: демократия, основанная на воле народов и их приверженности ценностям, которые тысячелетиями составляли духовную и нравственную основу цивилизационного развития, либо юридическая технократия, равнодушная к различию

¹⁵ См.: Права человека в международном и российском праве. М., 2007. С. 72.

добра и зла и ведущая к признанию их равноценности? Адекватное разрешение этой дилеммы особенно значимо в связи с, как было отмечено, нередким в современном мире навязыванием странам и народам чуждых им представлений либо стандартов организации государственной власти и ее взаимоотношений с личностью, часто оправдываемой «мировыми ожиданиями» либо сопровождающимися интеграцией глобализационными процессами, первой жертвой которых обычно выступает государственный суверенитет. Корыстный интерес сегодня часто ставится выше международного права, взаимовыгодное партнерство подменяется бесчестным обманом, естественное стремление к защите национальных интересов влечет за собой агрессивную конфронтацию государств, возмнивших себя вершителями судеб мира.

Государственный суверенитет России и европейский гуманитарный консенсус: условия совместимости и механизм взаимодействия

Говорят, что молитва от повторения не портится. Подчеркнем еще раз, что Конституция России устанавливает, что права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с ними, а международные договоры Российской Федерации имеют приоритет в применении перед законом в случае их коллизии. Тем самым Основной закон установил механизм интеграции в правовую систему России новых принципов и норм, а также международных договоров Российской Федерации. Именно на основании данного механизма в правовую систему России в качестве ее составной части и вошли Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и дополнительные протоколы к ней, предусматривающие более высокоорганизованный, чем на всемирном уровне, вид юрисдикции.

Конвенции обычно отводят особое место в ряду иных международно-правовых актов, в которых участвует Россия¹⁶. Ее не-

¹⁶ См.: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Научный комментарий. М., 1996; Энтин М.Л. Международные гарантии прав человека:

редко рассматривают не как «просто» договор, а, следуя сформулированной Европейским Судом доктрине, характеризующей ее как «конституционный инструмент европейского правопорядка», даже квалифицируют как конституционный инструмент признания и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Между тем, если исходить из действующей Конституции России, Конвенция 1950 года обладает в правовой системе Российской Федерации статусом федерального закона. Она не имеет общего примата над национальным правом, но в силу прямого указания Конституции обладает приоритетом в применении в случае обнаружившейся коллизии с федеральным законом. Причем обнаружение коллизий, поскольку Конвенция изначально рассматривалась как непосредственно применимый во внутрисударственных отношениях акт, возложено на правоприменителя, то есть национальный суд, рассматривающий конкретное дело.

Следовательно, строго юридически Конвенция непосредственно не является масштабom конституционно-судебной проверки или критерием конституционности того или иного акта. Однако отечественным правосудием она используется не только для установления круга находящихся под защитой Конституции прав и свобод или выявления их содержания и пределов действия, но как акт, который в силу его значения опосредованно является одним из критериев проверки конституционности внутрисударственных нормативных правовых актов.

В связи с этим важно подчеркнуть, что круг гражданских и политических прав, гарантируемых Конституцией, соответствует Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Не являются исключением и предусмотренные Конвенцией запрещение рабства, которое хотя прямо и не упомянуто в Конституции, но вытекает из ряда ее положений и всего духа, а также запрет на применение смертной казни. Кстати, установленный Конституционным Судом России!

Отсюда, во-первых, следует вывод о согласованности каталога гражданских и политических прав и свобод человека и гражданина, предусмотренных Конституцией России, с установленными в

Опыт Совета Европы. М., 1997; Бессарабов В.Г. Европейский суд по правам человека. М., 2002; Пчелинцев С.В. Проблема ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов. М., 2005.

Европейской конвенции стандартами, во-вторых, отказ от патерналистского видения взаимоотношений государства и личности в Конституции Российской Федерации предопределяет место и роль правосудия в конституционной системе: именно судебная власть является главной гарантией прав человека и гражданина и способом обеспечения их непосредственного действия. Этим обусловлена и тенденция к возрастанию роли суда в упрочении взаимодействия между национальной и международной правовыми системами, в обеспечении все более активного вхождения России в международное правовое пространство, в том числе в правовое поле Европы. При том, однако, что здесь не может не учитываться несинхронность всемирно-исторического развития и фундаментальная культурная специфичность России¹⁷.

Проблема конституционализации взаимодействия национальной и международно-правовой систем, разумеется, не сводится к тому, что, к примеру, Конституционный Суд вправе разрешать дела о соответствии Конституции не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации. Международно-правовой аспект присутствует при разрешении Конституционным и другими судами многих иных дел, предметом которых не являются сами международные договоры. В правосудии России утвердился подход, когда общепризнанные принципы и нормы международного права используются в качестве образца, сообразуясь с которым в Российском государстве осуществляются права и свободы человека и гражданина, закрепленные Конституцией.

В частности, международно-правовая аргументация используется судами тройким образом: в качестве дополнительного довода в пользу своих правовых позиций, вырабатываемых на основе Конституции; для разъяснения смысла и значения конституционного текста; для выявления конституционно-правового смысла проверяемого закона или его нормы, то есть конституционного истолкования закона и его применения в соответствии с таким истолкованием. В этом последнем случае речь часто идет о проверке адекватности международно-правовым обязательствам России конкретизации законодателем механизма реализации прав человека, включая устанавливаемые им запреты и ограничения.

¹⁷ См.: Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013.

Вырабатывая с использованием международно-правовых аргументов правовые позиции, носящие общий характер и обязательные для судов, других государственных органов и должностных лиц, высшие суды тем самым не только реализуют конституционное положение об общепризнанных международно-правовых принципах и нормах как интегральной части российской правовой системы, но и утверждают признаваемые и разделяемые Россией принципы и нормы международного права в качестве важного критерия, которому должны соответствовать законодательство и практика судов и иных правоприменителей.

Уходят в прошлое классические представления, основанные на противопоставлении двух правовых систем – континентальной и общего права, поскольку они не отвечают ни современным реалиям, ни опирающимся на них потребностям правовой модернизации: «Мы являемся свидетелями постепенной конвергенции двух правовых систем»¹⁸. В связи с этим решения Европейского Суда по правам человека представляют собой не «просто» правоприменительные акты, а источники права, оказывающие непосредственное, причем весьма существенное влияние на правотворчество и правоприменительную практику России. Интеграция судебной системы России в международное судейское сообщество и интернационализация внутригосударственного регулирования требуют также пересмотра отечественной правовой доктрины устаревших представлений об источниках российского права и роли в нем прецедентов.¹⁹

Иное видение, являющееся рефлексией не критичного позитивизма, выступавшего в недалеком прошлом доминантой правопонимания, сегодня вступает в коллизию не только с европейской, но и отечественной юридической практикой. Речь не только о том, что прецедентный характер своих решений многократно подчеркивали Европейский Суд по правам человека и Конституционный Суд

¹⁸ Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М., 2007. С.114.

¹⁹ См. подробно: Богдановская И.Ю. Прецедентное право. М., 1993; Гук П.А. Судебный прецедент как источник права / Под ред. Н.И. Матузова. Пенза, 2003; Вершинин А.Н. Судебное правотворчество в России. Сравнительно-правовые аспекты. М., 2004; Захаров В.В. Решения Конституционного Суда РФ как источники конституционного права. М., 2005; Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005; Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М., 2007; и др.

Российской Федерации²⁰. Она противоречит и действующему законодательству Российской Федерации. В частности, Федеральный закон от 30 марта 1998 года о ратификации Конвенции 1950 года недвусмысленно признает установившееся прецедентное право, которым руководствуется Европейский Суд; данный закон можно рассматривать как трансформационный акт, согласно которому не только Конвенция 1950 года, но и прецеденты Европейского Суда, сложившиеся в процессе ее толкования и применения, обязывают Россию и вменяются в качестве обязательных всякому правоприменителю.

В этом последнем случае речь как раз идет о так называемых европейских стандартах, которые в данном аспекте представляют собой нормы Конвенции 1950 года (перечень прав и свобод; обязательства государств-участников по их признанию и обеспечению; нормативное содержание, то есть состав правомочий; условия пользования, включая допустимые ограничения и запреты; механизм судебной защиты), как они интерпретированы решениями Европейского Суда, имеющими прецедентный характер, и в силу этого общеобязательные для всех участников этого договора значения. Именно в этом заключается и смысл разъяснения, содержащегося в упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года: применение судами общей юрисдикции Конвенции 1950 года «должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод».

Иными словами, прямым действием и непосредственной применимостью обладают не только Конвенция 1950 года и протоколы к ней, но и прецедентная практика Европейского Суда по правам человека. Российские суды, основывая свои выводы на нормах Конституции и закона, в практике Европейского Суда находят дополнительные доводы в обоснование собственной правовой позиции. Интернационализация отечественного правопорядка обуслов-

²⁰ Подробно см.: Де Сильвия М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб., 2004; Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2006.

ливаает выявление подлинного смысла конституционной или иной юридической нормы в силу прямого веления Конституции с учетом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации. Несомненно ориентирующее значение позиций Европейского Суда для нормотворческого процесса и правоприменения. Это означает, что не только законодатель России, но и отечественная судебная система вносят существенный вклад в гомогенизацию гуманитарной составляющей российского права как той части единого европейского правового поля, которая основана на Конвенции 1950 года.

Но, как ни парадоксально, такое единство под сомнение ставится решениями самого ЕСПЧ. Трезвый взгляд на проблему, обогащенный полутора десятилетиями участия в Европейской конвенции, убеждает, что указанная гомогенизация российского права, то есть развитие в направлении восприятия, утверждения и защиты общеевропейских или всемирных стандартов, не требует от России отказа от собственных культурных и национальных правовых традиций. Авторы Конвенции 1950 года ориентировались прежде всего на те государства, которые изначально подписывали этот акт. Отсюда указание на «общее наследие» государств-участников, которое само по себе не является застывшей системой идей и принципов, и мы едва ли можем рассматривать себя в качестве «наследников первой очереди».

И проблема не только в том, что европейский консенсус как единая европейская система защиты прав человека, которая предполагает одинаковый уровень защиты во всех государствах — участниках Конвенции, складывался постепенно и поэтапно.²¹ Во

²¹ См.: Полгари Эстер. Страсбургский Суд и европейский консенсус // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 3. С. 107. Небезынтересно заметить, что, например, Великобритания, первой 22 февраля 1951 года ратифицировавшая Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, до 14 января 1966 года не признавала право на подачу индивидуальной жалобы и обязательную юрисдикцию Европейского Суда, а права, гарантированные Конвенцией, не могли быть защищены в судебном порядке согласно ее внутреннему национальному праву до 2 октября 2000 года. См.: Яковенко А.В. Выступление на международной конференции «Влияние Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на развитие правовых систем европейских стран». Ярославль, 28–30 июня 2006 г.; Бауринг Билл. Долгий путь Великобритании к европейским стандартам прав человека: в авангарде и далеко позади // Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к Конституции Российской Федерации: Избранные права. М., 2002. С. 29–39.

многим различны представления народов о естественном праве, которые вырастают из особенностей национального характера, исторического развития, религиозных взглядов, уровня секуляризации общества и т.д.

Существенное значение имеют национальные конституционные традиции государств – участников Конвенции 1950 года, требующие уважительного отношения ЕСПЧ. Особенно когда речь идет о государствах, не ориентированных на создание «государства государств», как это изначально планировали адепты европейского единства Рене Кассен, Поль Анри Спаак, Робер Шуман, Альчиде де Гаспери и др.

Так, 4 июля 2013 года ЕСПЧ вынесено постановление по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации», которым был сделан вывод о нарушении положений статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с отсутствием у заявителей, находящихся в местах лишения свободы, активного избирательного права. Причем норма, устанавливающая запрет гражданам, содержащимся в местах лишения свободы по приговору суда, избирать и быть избранными, предусмотрена статьей 32 Конституции России. Ей предшествовало решение ЕСПЧ от 12 апреля 2011 года по делу «Республиканская партия России против России», в котором Суд, самоуверенно полагая, что он действует «в своем праве», попытался опрокинуть выработанные Конституционным Судом России правовые позиции²².

²² См.: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Решение ЕСПЧ по делу «Республиканская партия России против России, или Утраченные иллюзии» // Российское правосудие. 2011. № 11.

Коллизия, порожденная решением ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации», в последние годы приобретает характер тенденции. В частности, решением Суда от 6 октября 2005 года по делу «Херст против Соединенного Королевства» было установлено нарушение статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции, а требования заявителя, лица, приговоренного к наказанию в виде пожизненного лишения свободы за непредумышленное убийство, были удовлетворены. В ноябре 2010 года Суд при рассмотрении по аналогичным основаниям дела «Гринс и М.Т. против Соединенного Королевства» высказал «сожаление и озабоченность» в связи с тем, что «в течение пяти лет, истекших после принятия постановления по делу Херста, государство-ответчик не приняло мер по изменению законодательства».

Соединенному Королевству было предложено внести соответствующие изменения в законодательство в течение шести месяцев с момента вступления в силу постановления по делу «Гринс и М.Т. против Соединенного Королевства» с целью введения законодательного регулирования, обеспечивающего соответствие по-

При том, что выводы ЕСПЧ, основанные на его интерпретации Конвенции 1950 года, связаны с текстом толкуемых норм едва видимой паутиной, если связаны вообще. Эта паутина не становится более заметной от того, что ЕСПЧ пытается недостаток собственных аргументов восполнить ссылками на мнение Венецианской комиссии (Европейской комиссии за демократию через право), которое ни в коей мере не может поставить под сомнение волю народа, выраженную в процессе принятия конституции того или иного государства.

В связи с последним замечанием небезынтересно отметить, что проект Конституции России неоднократно обсуждался на пленарных заседаниях Венецианской комиссии в сентябре и ноябре 1993 года, а на его заседании в мае 1994 года был утвержден окончательный текст Заключения комиссии о Конституции Российской Федерации, принятой на референдуме 12 декабря 1993 года. Несмотря на ряд замечаний, ни одно из которых не затронуло положений статьи 32 Конституции, Венецианской комиссией была дана общая положительная оценка Конституции России как вполне соответствующей принципам демократического правового федеративного государства, основанного на господстве права и уважении к правам человека²³.

Главное, однако, в другом. ЕСПЧ, как и никакому иному международному органу или организации, не предоставлено право проверять Конституцию, напротив, любой международный договор России может быть проверен на оселке конституционности. И еще одно: толкование Конституции России может и должно осуществляться с учетом переживаемого Россией этапа и потребностей общественного развития. Речь в том числе идет об общественном сознании.

Сошлемся в качестве примера на террористический акт, направленный против сотрудников журнала «Шарли Эбдо», изда-

становлению ЕСПЧ по делу Херста, в соответствии со сроками, определенными Комитетом министров. Решение ЕСПЧ по делу «Гринс и М.Т. против Соединенного Королевства» См.: [http://hudoc.echr.coe/int/sites/eng/Pages/search.aspx#{"fulltext":\["greens"\],"documentcollectionid2":\["GRANDCHAMBER","CHAMBER"\],"itemid":\["001-101853"\]}](http://hudoc.echr.coe/int/sites/eng/Pages/search.aspx#{).

²³ Раздел В «Opinions of the Commission», подраздел 1 «The Constitution of the Russian Federation» ежегодного отчета Венецианской комиссии за 1994 год № CDL—RA (94)001 (размещен на официальном сайте Венецианской комиссии — [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/CDL—RA\(1994\)001-e.aspx](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/CDL—RA(1994)001-e.aspx)).

ваемого во Франции. Акт отвратительный и не имеющий оправданий, но заставляющий задуматься. Джордж Вашингтон когда-то замечал: «Когда ты говоришь о Господе или Его свойствах, делай это серьезно и с должным почтением». Сегодня он был бы признан безнадёжным консерватором, не вписывающимся в пространство европейской демократии. Зато в это пространство вполне вписывается партия «Милосердие, свобода и разнообразие», отстаивающая «права» педофилов в Нидерландах. Гаагский суд отклонил иск о запрете партии и признал ее абсолютно законной, поскольку «право на учреждение политической партии является одним из основных прав демократии».

Возвращаясь к Венецианской комиссии, отметим, что наличие такого заключения сыграло не последнюю роль в решении России о ратификации Конвенции без каких-либо серьезных оговорок. Единственная оговорка России касалась порядка ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также ареста с содержанием на гауптвахте в качестве меры дисциплинарного взыскания, налагаемой во внесудебном порядке на военнослужащих. Причем срок действия этой оговорки ограничивался периодом, «который потребуется для внесения в законодательство Российской Федерации изменений, полностью устраняющих указанные выше положения Конвенции».

Европейский Суд не является ни законодателем, ни высшей инстанцией по отношению к судебной системе государства — участника Конвенции, он рассматривает только конкретные жалобы, с тем чтобы установить, действительно ли были допущены нарушения требования Конвенции. Его деятельность непосредственно не связана с осуществлением правосудия и установлением объективной истины по делу, а направлена на проверку соблюдения государством-участником положений Конвенции в конкретной ситуации после исчерпания заявителем всех внутригосударственных средств правовой защиты. Поэтому он не может отменить решение, вынесенное органом государственной власти или национальным судом, не дает указаний законодателю, не осуществляет абстрактный контроль национального законодательства или судебной практики, не имеет права давать распоряжения о принятии мер, имеющих юридические последствия.

Вполне допустимо отражение ЕСПЧ в своем решении системной проблемы, которая лежит в основе нарушения, и указание на источник этой проблемы. При том, однако, что Конвенция 1950 года не наделяет Суд полномочиями подвергнуть ревизии конституцию государства-участника либо установить конкретные предписания национальному законодателю об изменении норм, которые он счел противоречащими Конвенции, если вопрос о конституционности данных норм был предметом судебного конституционного контроля соответствующего государства. Монополия на толкование Конституции России принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации, но никак не ЕСПЧ.

Основанием для толкования текста Конвенции часто является юридическая практика значительного числа государств-участников. Однако метод правового сравнения остается непрозрачным, в решениях ЕСПЧ приводятся лишь общие ссылки, а предмет сравнения не очевиден. Это не исключает предположения, что сначала генерируются выводы, а затем осуществляется поиск подтверждающих их правовых аргументов.

В связи с этим уместно отметить, что в феврале 2011 года в связи с принятием Европейским Судом названных выше постановлений «против Соединенного Королевства» в заседании Палаты общин Парламента Великобритании обсуждался вопрос о наделении осужденных активным избирательным правом. Внимание законодателей было сосредоточено на двух основных проблемах: является ли наделение осужденных правом избирать разумным, справедливым и правильным; кто имеет право принимать подобные решения: ЕСПЧ или Парламент Великобритании, представляющий народ Великобритании.

Палата общин указала, что она является единственным представительным органом, наделенным британским народом правом принимать соответствующее решения, в том числе вытекающие из обязательств, возникающих из международных договоров Великобритании. Решения подобного рода являются исключительной компетенцией избранных демократическим образом органов ее законодательной власти. Одновременно члены Палаты отмечали, что судьи ЕСПЧ фактически приобретают полномочия законодателей без каких-либо на то оснований, предусмотренных Конвенцией, что противоречит основным принципам демократии, признанным

в цивилизованном мире. В отличие от национальных законодательных органов, уполномоченных народом конкретного государства, который является единственным носителем политического суверенитета и власти, как это закреплено в законах и конституциях большинства государств, судебная власть ЕСПЧ не исходит из подобного источника²⁴.

Решения ЕСПЧ не обладают приматом над решениями национальных судов. Другое дело, что национальные суды обязаны принимать во внимание решения ЕСПЧ, касающиеся ранее рассмотренных ими дел, и если они наделены правом повторного рассмотрения таких дел, — выносить решение с учетом имеющейся позиции ЕСПЧ при условии недопустимости нарушений материального права соответствующего государства. Отсюда в том числе следует, что положения Конвенции 1950 года и акты суда являются дополнительным источником толкования содержания и объема основных прав и подлежат внутригосударственному контролю²⁵.

На практике ЕСПЧ в обоснование своих выводов нередко выходит за рамки конкретного дела и не просто оценивает нормы закона как противоречащие Конвенции, но и дает конкретные предписания законодателю по их изменению, что явно выходит за рамки Конвенции и полномочий ЕСПЧ.

Нуждается в осмыслении положение пункта 1 статьи 35 Конвенции, согласно которому ЕСПЧ принимает дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты. Узаконение практики принятия к рассмотрению дел, не прошедших все судебные стадии защиты прав, которые предусмотрены национальным законодательством, приводит к тому, что, будучи наднациональным органом, ЕСПЧ порой замещает высшие суды государств-участников и выполняет роль национальной инстанции, что противоречит его правовой природе и сущностному предназначению. И уж ни в какие юридические «ворота» не лезет попытка преодоления Европейским Судом путем толкования Конвенции интерпретации Конституции России, осуществляемой

²⁴ Стенограмма заседания Палаты общин Парламента Великобритании см.: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201011/cmhansrd/cm110210/debtext/110210-0001.htm#110210590000011>.

²⁵ См.: Order of the Second Senate of 14 October 2 BvR 1481/04. http://www.bundesverfassungsgericht.de/en/decisions/rs20041014_2bvr148104en.html.

Конституционным Судом России. Как раз решения национального органа конституционного правосудия являются частью Конституции, обладающей безусловным превосходством юридической силы над международными договорами, включая Конвенцию 1950 года.

Существенное значение для решения порождаемых некоторыми актами ЕСПЧ коллизий также имеет требование о легитимности власти, в основе которой лежат воля народа и его согласие. В основе легитимности власти лежит не воля суда, как бы ни было велико значение правосудия, а воля народа, выражаемая либо народом, либо парламентом. Но именно это завоевание современного конституционализма, составляющее краеугольную основу демократии, как раз и подвергается угрозе покушениями на национальные конституции, поскольку тем самым под вопрос ставится их демократическая природа как результата народного волеизъявления. В транснациональном конституционализме Западной Европы явственно прослеживается подмена демократии господством права, между тем господство права как таковое не обязательно демократично²⁶. Тем более что для европейской юридической мысли аксиоматично, что различие права и закона, сохраняющееся по сегодняшний день, не дает основания для неисполнения или нарушения позитивного закона. Представления философии права XVIII века, продиктованные культом человека, давно уступили свое место прагматике сегодняшнего дня. Хорошо бы это понять и некоторым представителям юриспруденции, в том числе отечественной.

Речь, как минимум, идет о том, что господство права должно сопрягаться с демократией, а не противоречить ей. С этой точки зрения актуальной для России проблемой продолжает оставаться демократическая, т.е. основанная на воле нашего народа легитимация юридических механизмов правозащиты с учетом темпов глобализационных процессов в различных регионах, а также степени интегрированности тех или иных государств в формируемые структуры геополитического пространства. А это требует трезвого учета экономических и политико-юридических реалий современного мира и места в нем России. Блаженно-наивные представления о

²⁶ См. подробно: Dobner P. More law, less democracy? Democracy and transnational constitutionalism // *The twilight of constitutionalism?* / Ed. Dobner P., Loughlin M. – Oxford: Oxford univ. press, 2010. – P. 141–161.

грядущем царстве свободы, построенном на «международных стандартах», — плохой советчик. В политике доминируют интересы, а не альтруизм.

Иными словами, конвенционное закрепление общих для Европы стандартов прав человека и участие в них Российской Федерации не исключает значительную дискреционную свободу государства-участника, предопределяемую его суверенитетом. На это, интерпретируя Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, неоднократно в своих решениях указывал и Европейский Суд.

Насколько, однако, он последователен. Как раз в связи с этим Федеральный конституционный суд ФРГ, рассмотрев в октябре 2004 года жалобу, по которой уже имелось постановление ЕСПЧ, подчеркнул, что Основной закон имеет целью интеграцию ФРГ в правовое сообщество мирных свободных государств. Однако он не предусматривает отказа от суверенитета ФРГ, закрепленного в его Основном законе. Более того, по мнению ФКС, не противоречит приверженности ФРГ международному праву, если законодатель в порядке исключения не соблюдает право международных договоров при условии, что это является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих конституционных принципов. В дилемме «право международных договоров или конституционные принципы» первенство, по мнению Федерального конституционного суда, безусловно, принадлежит последним. Эта позиция тем более заслуживает внимания, что деятельность ФКС Германии считается образцом судебного конституционного контроля.

В отечественном правопорядке эта дилемма разрешена со всей определенностью Конституцией России. Наш Основной закон не оставляет места для двоякого толкования. Мы же от себя еще раз подчеркнем, что ослабление суверенных прав государства с неизбежностью ведет к ослаблению ответственности, которую международное сообщество может требовать от публичной власти, осуществляющей эти права. Гуманитарные стандарты, согласованные международным сообществом, могут быть реализованы лишь при условии, что они подкреплены должной ответственностью самих государств, а их реализация преследует гуманитарные цели и свободна от политической мотивации, обусловленной групповыми интересами или откровенной корыстью, столь характерными для европоцентристского мышления.

Между тем анализ прецедентной практики ЕСПЧ вызывает подозрение в части, касающейся политической нейтральности наднационального органа в рассмотрении вопросов защиты прав и свобод человека и гражданина, тем более что Российская Федерация неоднократно сталкивалась с политикой двойных стандартов международных наднациональных органов при разрешении вопросов, имеющих широкий общественный резонанс и громкое политическое и социальное звучание. Не случайно как политическую спекуляцию восприняли в России попытки обязать нашу страну отчитаться о правомерности принятия «закона Димы Яковлева». Сквозь призму охватившего США и ЕС санкционного зуда оцениваются и запросы относительно гуманитарного коридора для беженцев с юго-востока Украины, особенно в части представления пояснений относительно вывоза детей-сирот из Украины в Россию.

Впрочем, Европейский Суд в данном отношении не одинок. В частности, чем объяснить суждения, объявляющие за десять дней до голосования одни выборы, подчеркнем, еще не состоявшиеся, справедливыми и свободными, а другие выборы, которые таковыми едва ли можно признать, вообще расценивают едва ли не как эталон электоральной демократии. Едва не окончилась конфузоз «доверчивость» ЕСПЧ, принявшего к рассмотрению жалобы «Давыдов и другие против России».

Заявители, не согласившись с итогами голосования на отдельных избирательных участках, образованных при проведении 4 декабря 2011 года выборов депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга пятого созыва и выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва, ставят под сомнение результаты указанных выборов в целом и на этом основании заявляют о нарушении положений статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции, устанавливающей гарантии соблюдения государствами — участниками Конвенции права граждан на свободные выборы. Главный аргумент заявителей сводится к тому, что протоколы голосования на ряде избирательных участков были якобы фальсифицированы.

Не будем касаться вопроса о том, исчерпали ли заявители возможности защиты избирательных прав, если они были нарушены, предусмотренные законодательством России. Оставим за скобками даже постановление Конституционного Суда России от 22 апреля

2013 года, которым даны исчерпывающие ответы на волнующие заявителей вопросы. Отметим только, что ЦИК России со всей серьезностью восприняла обращение заявителей. Никто в мире так не заинтересован в чистоте и прозрачности выборов, как мы. Мы немедленно обратилась в управомоченные на то органы с требованием провести полное и объективное расследование всех обстоятельств дела.

Такое расследование было проведено. Ограничимся цитатой из постановления дознавателя 3 отдела Управления организации дознания ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области об отказе в возбуждении дела по основаниям, предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (за истечением сроков давности уголовного преследования): *«Из материалов проверки следует, что не установленными лицами из числа заявителей: Давыдова А.В., Андроновой О.О., Андропова А.В., Николаевой Т.А., Сизенова Е.П., Белякова В.Г., Якушенко С.В., Паялина Н.Л., Трусканова Г.Б., Пушкаревой Л.В., Шестакова С.С., в не установленное время, но не позднее 09.12.2011 в Европейский Суд по правам человека были представлены в электронном виде подложные копии протоколов итогов голосования участковых избирательных комиссий по выборам 2011 года в Законодательное собрание Санкт-Петербурга в целях обеспечения иска против Российской Федерации».*

Казалось бы, ситуация ясна и множество раз описана. Вор, спасаясь от погони и желая направить ее по ложному следу, громче всех кричит: «держите вора». Копии протоколов об итогах голосования подложны, спор надуман. Но это не важно. Информационный шум разошелся по всей Европе, зерна недоверия к избирательной системе России посеяны. Цель достигнута.

При этом европейская бюрократия нередко попадает в собственную западню. В частности, рекомендации одного из институтов ОБСЕ в адрес государств Восточной Европы обратить внимание на плебисцитарную демократию швейцарского типа немедленно исчезли из оборота после референдума в Крыму, способствовавшего восстановлению исторической справедливости, попорченной в 1954 году неправомерным отторжением Крымской области от России и передачей ее Украине. Люди, положившие жизнь на критику «советского тоталитаризма», вдруг стали защитниками «сталинской» Конституции, которая якобы легитимировала такую пе-

редачу. Забыв при этом аксиому, известную еще римскому праву, что правонарушение не порождает право. В данном случае было нарушено право не отдельного человека или группы лиц, было попрано священное право русского народа и других народов России.

В течение столетий государственный суверенитет, выражающийся в верховенстве государства на своей территории и его независимости во внешних сношениях, единый, неотчуждаемый и неделимый, составляет основополагающее начало государственного развития народов. Восприятие Россией традиционных стандартов организации государственной бытийности в их сочетании и взаимосвязи с отечественной государственно-правовой традицией привнесло существенные новации в представления отечественной политической и юридической мысли о суверенитете²⁷. При этом, однако, ни под каким видом под сомнение не ставится юридический догмат воли народа, которой определяются фундаментальные основы конституционного статуса законодательной, исполнительной и судебной власти.

Народ в этом смысле выступает в качестве особой юридической личности, которая стоит над всеми властями и обладает первоначальным и неотчуждаемым верховенством, является носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации. В силу этого источником государственного суверенитета является суверенитет многонационального народа Российской Федерации, неотчуждаемый, неделимый, непогашаемый, который, принимая Конституцию и сохраняя за собой учредительную власть, определяет пределы полномочий учреждаемой ею государственной власти и возлагаемые на государство обязанности.

Неделимостью народного суверенитета предопределяется неделимость суверенитета Российского государства как формы организации политико-юридического бытия многонационального народа — единой государственной гражданской нации России. В данном контексте уместно отметить, что теория делимости суверенитета в истории конституционализма дважды выставлялась с политическими целями. Первый раз в эпоху Великой французской революции. Она использовалась в борьбе с абсолютизмом и утверждении прин-

²⁷ См. подробно: Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М., 2014.

ципов правовой государственности для обоснования ограничения власти монарха и создания идеального государства, в основе которого — разделение властей, каждая из которых сама является суверенной. Людовик XVI был казнен, а теория быстро оказалась в чулане древностей вместе с иными юридическими теориями, которые, казалось бы, изжили себя.

Ан нет. Второй раз теория делимости суверенитета служила обоснованию конструкции союзного государства — создания в 1871 году вокруг королевства Пруссия федеративного государства Германская империя из нескольких десятков независимых государств с немецким населением.

В известной мере эта теория была воспринята и отечественной конституционной практикой на советском этапе ее развития. В частности, ст. 15 Конституции СССР 1936 года провозглашала, что суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в ст. 14 Конституции СССР, которая перечисляла предметы ведения Союза ССР (внешние сношения, вопросы войны и мира, охрана государственной безопасности и т.п.). «Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно». Одновременно в ст. 17 устанавливалось, что «за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР».

Нетрудно заметить, что эта теория, как и основывавшаяся на ней конституционная практика, базировались на смешении понятий государственной власти и суверенитета и отождествлении суверенитета как свойства государственной власти с опасными для единства и целостности государства представлениями о суверенитете государственного органа. Давно установлено, что в действительности делится не суверенитет; рациональная организация государства и власти обуславливает разграничение предметов ведения и полномочий различных звеньев единой публичной власти²⁸. Мы учли это обстоятельство, принимая действующую Конституцию России.

Но сегодня теория делимости суверенитета оказывается вновь востребованной Западной Европой, и вновь с политическими целями, в частности в связи с процессами европейской интеграции. Так,

²⁸ См.: Еллинек Г. Право современного государства. Т. 1. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 365.

членами Европейского союза 29 ноября 2004 года был подписан «Договор, устанавливающий Конституцию для Европы», активно развивается юридическое оформление интеграции стран Европейского союза, аналогов которому пока нет в других регионах планеты. Европейский конституционализм все более приобретает характер транснационального феномена, которому присуще ограничение суверенитета государств – членов ЕС в пользу наднациональных органов власти. Как установлено в части 2 статьи 9 Конституции Австрийской Республики, «отдельные суверенные права Федерации могут быть переданы межгосударственным учреждениям и их органам...». Часть 1 статьи 23 Основного закона ФРГ, действующая в редакции от 21 декабря 1992 года, предусматривает, что «в целях осуществления идеи Объединенной Европы Федеративная Республика Германия участвует в развитии Европейского союза... В этих целях Федерация может передавать свои суверенные права на основании закона, одобренного Бундесратом». Еще более определенно сформулирована часть 3 статьи 28 Конституции Греции, согласно которой «Греция может пойти на ограничения в области осуществления национального суверенитета, если это диктуется важными национальными интересами...».

Иными словами, реанимация теории делимости суверенитета в государствах, участвующих в процессе европейской интеграции, имеет под собой вполне очевидное для всякого наблюдателя основание и считается ими вполне оправданной, даже если она противоречит юридической логике. Юриспруденция оказалась в услужении у региональной глобалистики.

Но это ни в коей мере не может служить аргументом в ее пользу в отечественной юриспруденции или конституционно-правовой практике. Не надо давать себя обманывать при помощи изворотливости мышления либо фальши в понятиях. Разочарование может оказаться слишком разрушительным.

Российская Федерация – единое и целостное государство, органично синтезирующее единый народ, единую территорию и единую верховную власть. Российское государство выступает в качестве единого и единственного суверена, обладающего неотчуждаемым верховенством на всей территории Российской Федерации и независимостью в международных отношениях. На Государственном гербе России нет места Фениксу делимости суверенитета, который

возродился в пространстве политики Западной Европы, а затем оказался воспринят правом.

Юридическим выражением суверенитета Российской Федерации является верховенство Конституции и федеральных законов на всей ее территории. Тем самым Конституция выступает основой легитимности власти и легальности ее решений. Она закрепляет политическое единство многонационального народа Российской Федерации, воля которого является единственным источником власти в Российской Федерации, и устанавливает пределы государственной власти, которые последней не могут быть преодолены правовым образом; государство связано Конституцией и законом, при том что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации составляют часть ее правовой системы, возглавляемой Конституцией. Из государственного суверенитета вытекает право Российского государства по своему усмотрению принадлежать или не принадлежать к международным организациям, быть или не быть участником международных договоров.

Таким образом, участие России в формировании европейского международного гуманитарного консенсуса, предусматривающего единство в понимании прав и свобод человека и гражданина и обязательств государств по их защите, не влечет ни отказа от государственного суверенитета, ни его ограничения. В статье 79 Конституции особо оговаривается, что участие России в межгосударственных объединениях и передача им части своих полномочий возможно лишь при условии, что это не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Это означает, что критерии легитимности всякой публичной власти, как и масштабы деятельности судов Российской Федерации и оценки ими проверяемых актов, предусматриваются Конституцией. Из высшей юридической силы Основного закона России нет исключений. Попытки ЕСПЧ поставить под сомнение эту данность, естественно, расцениваются как грубое и агрессивное вторжение в сферу исключительной национальной юрисдикции и формируют убеждение в политической мотивированности деятельности Суда в Страсбурге.

В частности, едва ли можно ожидать от российского общества понимания и уважения к постановлению ЕСПЧ от 29 апреля 2013 года по делу «Тангиев против Российской Федерации», кото-

рым Суд обязал Россию выплатить осужденному на 23 года лишения свободы убийце двух сотрудников правоохранительных органов «премию» в размере 45 тысяч евро.

Международно-правовое общение покоится на суверенном равенстве и сотрудничестве государств, но не началах господства и подчинения. Такое общение образует не «государство государств», а «сообщество государств». Российское государство в связи с этим не может не реагировать на покушения на свой суверенитет или попытки разрушения нравственных основ цивилизационного развития многонационального народа России и его традиционных ценностей. Это вытекает из выраженной в Конституции народной воли.

Именно поэтому Конституционный Суд России в постановлении от 14 июля 2015 года был вынужден еще раз подчеркнуть, что из верховенства Конституции России и ее высшей юридической силы нет и не может быть исключений. Между Основным законом нашей страны и Европейской конвенцией нет коллизий, но есть коллизии между толкованием положений данной Конвенции, даваемым ЕСПЧ, и той интерпретацией норм Основного закона, которая содержится в решениях отечественных судов.

В связи с этим Конституционный Суд указал, что суд общей юрисдикции, арбитражный суд при пересмотре в установленном процессуальным законодательством порядке дела в связи с принятием ЕСПЧ постановления, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции России, обращается с запросом в Конституционный Суд о проверке конституционности этого закона. При этом суд общей юрисдикции, арбитражный суд, осуществляющий производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного акта по заявлению лица, по жалобе которого Европейским Судом было принято постановление, констатирующее нарушение Конвенции положениями законодательства Российской Федерации, примененными в деле этого лица, обязан приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд с запросом о проверке их соответствия Основному закону России.

Государственные органы, на которые возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров, участницей которых она является, придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление ЕСПЧ вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции 1950 года в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией России, правомочны обратиться в Конституционный Суд для решения вопроса о возможности исполнения постановления ЕСПЧ и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения данной Конвенции.

Отсюда следует, что в случае, если Конституционный Суд России придет к выводу, что постановление ЕСПЧ, поскольку оно основано на Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, противоречащем Конституции России, не может быть исполнено, такое постановление в этой части не подлежит исполнению.

Столь же логично указание, что глава государства и правительство, поскольку на них возложена обязанность по обеспечению выполнения нашей страной международных договоров России, придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление ЕСПЧ вследствие того, что в части, обязывающей Россию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией России, правомочны обратиться в Конституционный Суд с запросом о толковании соответствующих положений Конституции в целях устранения неопределенности в их понимании с учетом выявившегося противоречия и международных обязательств России применительно к возможности исполнения постановления ЕСПЧ и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения Конвенции.

Время, когда мы наивно верили гуманистическим заявлениям, прошло. Добро и зло в их нравственном и юридическом измерении вовсе не равноценны. Сегодня именно Россия является лидером не только в защите международного права, но и в отстаивании нравственных начал в международных отношениях. Ее участие в евро-

пейском гуманитарном консенсусе отнюдь не означает согласия на отказ от собственной цивилизационной и политической идентичности, как она определена в нашем Основном законе.

Конституционный Суд ни в малой мере не поставил под сомнение ни участие России в Европейской конвенции, ни право граждан России обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Мы против юридической автаркии и многократно это доказывали. Но это никого не должно вводить в заблуждение: содержание Конституции определяется волей нашего народа, а не волей ЕСПЧ, а ее судьба решается не в Страсбурге, а в Москве.

* * *

Более столетия назад один из выдающихся отечественных юристов и философов, размышляя о демократии, писал, что «в странах, испытавших эту форму на практике, она давно уже перестала быть предметом страха; но она перестала быть здесь и предметом поклонения. Те, кто ее опровергает, видят, что в ней все же можно жить и действовать; те, кто ее ценит, знают, что, как всякое земное установление, она имеет слишком много недостатков для того, чтобы ее можно было безмерно превозносить»²⁹. Причем в мире не было и нет образцового государственного строя и стандарта его демократической организации, которые могли бы выступать общим лекалом для всех стран и народов.

В связи с этим демократию нельзя представлять ни в качестве откровения свыше, ни неизменного социального идеала, одинакового во всех своих проявлениях для всех стран и народов. Это — одна из политических форм, порожденных индустриальным обществом. На ее содержании сказываются дух народа и его история, состояние экономики, мононациональной или полиэтничной состав населения и его численность, размеры территории, характер взаимоотношений с другими государствами и даже климат и пр.

Если отрешиться от конкретики множества концепций демократии, порой взаимоисключающих, и опираться на конституционный опыт ее развития, это понятие характеризуется следующими

²⁹ Новгородцев П.И. Демократия на распутье // Соч. М., 1995. С. 389.

признаками: уважение к достоинству личности и правам человека, прежде всего к праву на жизнь и свободное развитие, народный суверенитет и разделение властей, самостоятельность и независимость правосудия, многопартийность и равенство возможностей для всех политических партий, конституционность оппозиции и уважение меньшинства и т.п. Демократия в ее конституционном понимании на протяжении более чем двух столетий сопрягается с правовым государством, вне которого она в принципе невозможна.

При этом демократическое стремление не должно препятствовать пониманию современного зла, выступающего в самых различных обликах: отчуждения, разрушения нравственных ценностей, агрессивного национализма, страданий обездоленных, гегемонизма и обусловленного им неприкрытого вмешательства в судьбу народов и даже войны и т.п. Глобальное развитие становится все более неравномерным. Вызревает почва для новых конфликтов экономического, геополитического, этнического характера. Ужесточается конкуренция за ресурсы³⁰. Именно в данном контексте воспринимаются в России вводимые Западом санкции против России, противоречащие базовым принципам, на которых основывается современный миропорядок. Что же касается сладкоголосых речений наших европейских и американских партнеров, в свете наступившего в последнее время «момента истины» они не просто отдают духом обмана и лицемерия, к чему нам не привыкать. От них веет новым изданием холодной войны.

В самом деле, вместо сотрудничества по всем ключевым вопросам, выстраивания равных, открытых и честных отношений — обман. Вместо укрепления доверия — расширение НАТО на Восток и размещение военной инфраструктуры у границ России. Бесконечно затягиваются переговоры по визовым проблемам. Откровенно и самым циничным образом нарушаются обещания честной конкуренции и свободного доступа на глобальные рынки. Не на высоте своей демократической функции зачастую оказывается европейское правосудие. Часто говорят, что политика является второй древнейшей профессией. Наблюдая за практической политикой, проводимой

³⁰ Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). М., 2012. С. 5.

лидерами Северной Америки и Западной Европы, невольно приходишь к выводу, что у нее становится все больше общего с первой. Международное правосудие рискует занять их место. Но это едва ли его украсит.

Речь, как понимает читатель, идет не об обиде. Издавна в народе говорят, что на обиженных воду возят. Нам пора адекватно оценивать эпоху, памятуя при этом, что когда террористические акты совершают одиночки или группы лиц – это преступление, когда они организуются и финансируются государством – политика. Но они могут провоцироваться и судебными решениями, отождествляющими оскорбительную непристойность, травмирующую полтора миллиарда человек, с демократией и свободой.

Речь идет о наших национальных интересах. В связи с ними роль суверенного Российского государства еще более возрастает. Оно, как и столетия назад, остается главным двигателем культуры и прогресса нашей Родины и неперенным условием свободы и благополучия человека. Наш народ имеет свою великую и неповторимую историю и образует духовное целое. Именно в этой духовной целостности заключена та живая сила, которая оказывает решающее влияние на экономические или политико-юридические формы народного бытия. Именно эта сила, помноженная на авторитет и растущую мощь государства, предопределяет мужественное лидерство России в защите фундаментальных основ современного международного права и противостоянии попыткам навязать странам и народам лжегуманистические модели развития, которые на деле оборачиваются варварством и большой кровью.

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы

город Санкт-Петербург

14 июля 2015 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

с участием представителя группы депутатов Государственной Думы – депутата Государственной Думы А.Г. Тарнавского, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Д.Ф. Вяткина, представителя Совета Федерации – председателя комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А.А. Клишаса, полномочного представителя Президента Россий-

ской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В. Кротова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 2) Конституции Российской Федерации, подпунктом «а» пункта 1 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 84, 85 и 86 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос группы депутатов Государственной Думы. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые в запросе законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.П. Маврина, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства иностранных дел Российской Федерации – Г.В. Кузьмина, от Министерства юстиции Российской Федерации – М.А. Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А. Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Федеральным законом от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» Российская Федерация ратифицировала подписанные ранее, 28 февраля 1996 года, Конвенцию о защите прав

человека и основных свобод и ряд Протоколов к ней. При этом, в частности, как указано в статье 1 названного Федерального закона, Российская Федерация в соответствии со статьей 46 данной Конвенции признала *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации.

Согласно статье 32 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации принимают меры, направленные на обеспечение выполнения международных договоров Российской Федерации (пункт 1); федеральные органы исполнительной власти и уполномоченные организации, в компетенцию которых входят вопросы, регулируемые международными договорами Российской Федерации, обеспечивают выполнение обязательств Российской Стороны по договорам и осуществление прав Российской Стороны, вытекающих из этих договоров, а также наблюдают за выполнением другими участниками договоров их обязательств (пункт 2).

В соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации суд обязан разрешать гражданские дела на основании Конституции Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации, федеральных законов, иных нормативных правовых актов органов государственной власти и нормативных правовых актов органов местного самоуправления (часть первая статьи 11); если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены законом, суд при разрешении гражданского дела применяет правила международного договора (часть четвертая статьи 11); к новым обстоятельствам, являющимся основанием для пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, относятся, в частности, установление Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека (пункт 4 части четвертой статьи 392).

Аналогичные положения о применении судами, арбитражными судами правил международных договоров и об установлении Европейским Судом по правам человека нарушения Россией положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод как основания для пересмотра соответствующих судебных актов закреплены в частях 1 и 4 статьи 13, пункте 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частях 1 и 4 статьи 15, пункте 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункте 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

По мнению группы депутатов Государственной Думы, обратившихся в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке статьи 125 (пункт «а» части 2) Конституции Российской Федерации, указанные законоположения не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (части 1, 2 и 4) и 79, поскольку фактически обязывают Россию, ее органы законодательной, исполнительной и судебной власти, к безусловному исполнению постановления Европейского Суда по правам человека – даже в случае, если оно противоречит Конституции Российской Федерации.

1.1. Согласно части первой статьи 85 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» запрос в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности указанных в статье 125 (пункт «а» части 2) нормативных актов органов государственной власти допустим, если заявитель считает их не подлежащими действию из-за неконституционности.

Оспариваемые в запросе части 1 и 4 статьи 15 и пункт 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, как следует из статьи 1 Федерального закона от 8 марта 2015 года № 22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», вводятся в действие с 15 сентября 2015 года. Вместе с тем эти законоположения аналогичны другим положениям действующего процессуального законодательства, конституционность которых также подвергается сомнению заявителями.

С учетом приведенных обстоятельств и принимая во внимание, что группа депутатов Государственной Думы обратилась в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке абстрактного

нормоконтроля, т.е. вне связи с конкретным делом, рассмотрение которого завершено в суде общей юрисдикции, арбитражном суде, данный запрос в этой части может быть признан отвечающим критерию допустимости, как он определен статьей 85 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

1.2. Согласно правовой позиции, выраженной Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 2 июля 2013 года № 1055-О, проверка конституционности федерального закона о ратификации международного договора, в том числе по порядку принятия, по общему правилу, может быть осуществлена лишь до момента вступления данного международного договора в силу (который обычно не совпадает с моментом завершения процесса принятия соответствующего федерального закона о ратификации международного договора); иное не только противоречило бы общепризнанному принципу международного права *pacta sunt servanda* и ставило бы под сомнение соблюдение Российской Федерацией добровольно принятых на себя международных обязательств, в том числе вытекающих из Венской конвенции о праве международных договоров, но и нарушало бы предписания статьи 125 (пункт «г» части 2) Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее положений подпункта «г» пункта 1 части первой статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», которые уполномочивают Конституционный Суд Российской Федерации разрешать дела о соответствии Конституции Российской Федерации лишь не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации.

Как следует из материалов настоящего дела, заявители не подвергают сомнению ни какие-либо положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод как многостороннего международного договора Российской Федерации, ни Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» как нормативное основание ее включения в правовую систему России в соответствии со статьей 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем названный Федеральный закон находится в неразрывном нормативном единстве с другими оспариваемыми в запросе положениями процессуального законодательства и Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», об-

разуя вместе с ними нормативно-правовую базу для исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека, вынесенных в отношении России на основании положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их истолковании Европейским Судом по правам человека в конкретном деле.

Депутаты Государственной Думы связывают возникшую, как они полагают, неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации, с закрепляемой ими безусловной обязательностью вынесенных в отношении России постановлений Европейского Суда по правам человека – в тех случаях, когда между содержащимся в таком постановлении толкованием Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека и положениями Конституции Российской Федерации возникают коллизии.

1.3. Таким образом, исходя из требований статей 74, 84 и 85 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» взаимосвязанные положения статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на их основании подлежит разрешению вопрос об исполнении вынесенного по жалобе против России постановления Европейского Суда по правам человека, возлагающего на государство обязательства, реализация которых не согласуется с Конституцией Российской Федерации.

2. Согласно Конституции Российской Федерации каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутри-

государственные средства правовой защиты (статья 46, часть 3). В корреляции с названным положением Конституции Российской Федерации находятся предписания ее статьи 15 (часть 4), устанавливающей, что международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и статьи 79, в силу которой Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации.

В порядке реализации приведенных конституционных установлений Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и тем самым признала ее составной частью своей правовой системы, а юрисдикцию Европейского Суда по правам человека, в силу статьи 46 Конвенции, *ipso facto* и без специального соглашения – обязательной по вопросам толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней в случаях их предполагаемого нарушения Российской Федерацией (согласно пункту 1 данной статьи Конвенции в редакции Протокола от 13 мая 2004 года № 14 Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами).

2.1. По смыслу статей 1 (часть 1), 2, 15 (часть 2), 17 (часть 2), 18, 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 52, 53, 55 и 118 Конституции Российской Федерации, гарантированная каждому и являющаяся обязанностью государства защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе судебная защита, право на которую относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, не может быть признана действенной, если вынесенный в целях восстановления нарушенных прав судебный акт или акт иного уполномоченного органа своевременно не исполняется. Исходя из этого, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, окончательное постановление Европейского Суда по правам человека, принятое по результатам рассмотрения жалобы лица, которое утверждало, что является жертвой нарушения со стороны Российской Федерации его прав, признанных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод или Протоколами к ней, в части, констатирующей соответствующее нарушение в отношении данного лица и присуждающей ему

в случае необходимости справедливую компенсацию, подлежит исполнению (Постановление от 6 декабря 2013 года № 27-П).

Соответственно, поскольку постановление Европейского Суда по правам человека подразумевает принятие государством-ответчиком конкретных мер по его исполнению, лицо, в отношении которого было установлено нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, во всяком случае должно иметь возможность обратиться в компетентный суд Российской Федерации с заявлением о пересмотре судебного акта, послужившего поводом для направления жалобы в Европейский Суд по правам человека, и быть уверенным, что его заявление будет рассмотрено; в свою очередь, решение компетентного российского суда по вопросу о возможности пересмотра соответствующего судебного акта – учитывая необходимость принятия конкретных мер индивидуального характера в целях восстановления нарушенных прав заявителя – должно основываться на всестороннем и полном рассмотрении его доводов, а также обстоятельств конкретного дела (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 4-П и от 6 декабря 2013 года № 27-П).

Что касается позиции самого Европейского Суда по правам человека относительно реализации выносимых им постановлений, то он полагает, что конкретные средства, с помощью которых в рамках национальной правовой системы будет исполняться возлагаемое на государство-ответчика в соответствии со статьей 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод правовое обязательство, избираются, по общему правилу, самим государством-ответчиком при условии, что эти средства будут совместимы с выводами, содержащимися в соответствующем постановлении Европейского Суда по правам человека; разрешать же вопросы толкования и применения национального законодательства должны национальные органы власти, а именно судебные органы; такая дискреция в отношении способа исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека отражает свободу выбора, присущую вытекающей из статьи 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод основополагающей обязанности государств-участников обеспечивать определенные ею права и свободы (постановления от 13 июля 2000 года по делу «Скоццари и Джунта (Scozzari & Giunta) против Италии», от 30 июня 2005 года по делу «Ян (Jahn) и другие против Германии», от 29 марта 2006 года по делу «Скордино (Scordino) про-

тив Италии» (№ 1), от 3 июля 2008 года по делу «Мусаева против России», от 3 июля 2008 года по делу «Руслан Умаров против России» и др.).

Согласно статье 35 Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейский Суд по правам человека может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты. Тем самым защита прав и свобод, определенных в разделе I Конвенции, осуществляется Европейским Судом по правам человека на основе принципа субсидиарности, из которого, как неоднократно отмечал и сам Европейский Суд по правам человека, вытекает обязанность государств, ратифицировавших Конвенцию, гарантировать каждому защиту признанных ею прав, прежде всего в собственном внутреннем порядке и по отношению к органам национальной судебной системы (постановления от 29 марта 2006 года по делу «Мостаччюоло (Mostacciuolo) против Италии (№ 2)» и от 2 ноября 2010 года по делу «Сахновский против России»).

В силу статей 46 (части 1 и 3), 120 (часть 1), 125 и 126 Конституции Российской Федерации такая, – по существу, дополнительная к национальному механизму судебной защиты прав человека – роль Европейского Суда по правам человека в Российской Федерации предопределяется необходимостью осуществления судебной защиты в первую очередь всеми судами Российской Федерации, включая Верховный Суд Российской Федерации (который является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным делам и осуществляет защиту прав и свобод граждан в том числе путем рассмотрения кассационных и надзорных жалоб на вступившие в законную силу судебные акты), а также Конституционный Суд Российской Федерации (который как высший судебный орган конституционного контроля рассматривает дела по жалобам граждан на нарушение конституционных прав и свобод законом, примененным национальными судами в конкретном деле).

2.2. Поскольку Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации является составной частью ее правовой системы, постольку государство обязано исполнять вынесенное на основании положений Конвенции постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе против России в отношении участвующих в деле лиц и в рамках

конкретного предмета спора. При этом реализация предусматриваемых постановлением Европейского Суда по правам человека мер как индивидуального (individual), так и общего (common) характера должна осуществляться в соответствии со статьей 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации также на началах признания такого постановления составной частью российской правовой системы.

Вместе с тем, как следует из Конституции Российской Федерации, ее статей 4 (часть 1), 15 (часть 1) и 79, закрепляющих суверенитет России, верховенство и высшую юридическую силу Конституции Российской Федерации и недопустимость имплементации в правовую систему государства международных договоров, участие в которых может повлечь ограничения прав и свобод человека и гражданина или допустить какие-либо посягательства на основы конституционного строя Российской Федерации и тем самым нарушить конституционные предписания, ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского Суда по правам человека, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации.

Будучи правовым демократическим государством, Россия как член мирового сообщества, в котором действуют общепризнанные принципы и нормы международного права, заключает международные договоры и участвует в межгосударственных объединениях, передавая им часть своих полномочий (преамбула; статья 1, часть 1; статья 15, часть 4; статья 17, часть 1; статья 79 Конституции Российской Федерации), что, однако, не означает ее отказ от государственного суверенитета, относящегося к основам конституционного строя и предполагающего верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на всей его территории и независимость в международном общении, а также являющегося необходимым качественным признаком Российской Федерации, характеризующим ее конституционно-правовой статус (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года № 10-П).

Исходя из этого в ситуации, когда самим содержанием постановления Европейского Суда по правам человека, в том числе в части обращенных к государству-ответчику предписаний, основанных на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод, интерпретированных Европейским Судом по правам человека в рамках конкретного дела, неправомерно — с конституционно-правовой точки зрения — затрагиваются принципы и нормы Конституции Российской Федерации, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции Российской Федерации.

3. При разрешении конституционно-правовых коллизий, могущих возникнуть в связи с толкованием Конвенции о защите прав человека и основных свобод как международного договора Российской Федерации, необходимо учитывать Венскую конвенцию о праве международных договоров, участником которой является Россия.

Закрепляя в статье 26 фундаментальный принцип международного права *pacta sunt servanda* (каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться), Венская конвенция устанавливает также общее правило толкования договоров, предусматривающее, что договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора (пункт 1 статьи 31).

Таким образом, международный договор является для его участников обязательным в том значении, которое может быть уяснено с помощью приведенного правила толкования. С этой точки зрения если Европейский Суд по правам человека, толкуя в процессе рассмотрения дела какое-либо положение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, придает используемому в нем понятию другое, нежели его обычное, значение либо осуществляет толкование вопреки объекту и целям Конвенции, то государство, в отношении которого вынесено постановление по данному делу, вправе отказаться от его исполнения, как выходящего за пределы обязательств, добровольно принятых на себя этим государством при ратификации Конвенции. Соответственно, постановление Европейского Суда по правам человека не может считаться обязательным для исполнения, если в результате толкования конкретного по-

ложения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на котором основано данное постановление, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, смысл этого положения разойдется с императивными нормами общего международного права (*jus cogens*), к числу которых, безусловно, относятся принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государств.

Кроме того, как следует из пункта 1 статьи 46 Венской конвенции, государство вправе блокировать действие в отношении него отдельных положений международного договора, ссылаясь на то обстоятельство, что согласие на обязательность для него данного договора было выражено им в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, если данное нарушение было явным и касалось нормы внутреннего права особо важного значения. В Российской Федерации к числу таких норм в первую очередь относятся положения глав 1 и 2 Конституции Российской Федерации, изменение которых не допускается посредством конституционных поправок, а может быть осуществлено, как установлено ее статьей 135, исключительно посредством принятия новой Конституции Российской Федерации.

Поскольку Россия, по смыслу статей 15 (части 1 и 4), 79 и 125 (часть 6) Конституции Российской Федерации, не вправе заключать международные договоры, не соответствующие Конституции Российской Федерации, а правила международного договора, если они нарушают конституционные положения, имеющие, несомненно, особо важное для России значение, не могут и не должны применяться в ее правовой системе, основанной на верховенстве Конституции Российской Федерации, обязанностью органов государственной власти при имплементации международных договоров, предполагающей соотнесение законодательства Российской Федерации с ее обязательствами по международным договорам, являются признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, как они определены Конституцией Российской Федерации, и недопущение нарушений основ конституционного строя.

При этом, однако, не исключается, что международный договор, который при присоединении к нему Российской Федерации как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, придававшемуся ему в процессе применения межгосударственным органом, уполномоченным на это самим международным договором, со-

ответствовал Конституции Российской Федерации, впоследствии посредством одного лишь толкования (особенно при достаточно высокой степени абстрактности его норм, присущей, в частности, Конвенции о защите прав человека и основных свобод) был содержательно конкретизирован таким образом, что вступил в противоречие с положениями Конституции Российской Федерации, прежде всего относящимися к правам и свободам человека и гражданина, а также к основам конституционного строя, в том числе государственному суверенитету и высшей юридической силе Конституции Российской Федерации.

В свою очередь, безусловное исполнение Россией решений межгосударственного органа, принятых на основании такого международного договора в не согласующемся с Конституцией Российской Федерации истолковании, могло бы повлечь нарушение ее положений, которое в данном случае (учитывая презумпцию осведомленности органов, специально уполномоченных международным договором на рассмотрение вопросов, касающихся защиты прав и свобод граждан, о содержании действующих конституций государств — участников международного договора) является, несомненно, явным, т.е. объективно очевидным для любого субъекта международного права, действующего в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой (пункт 2 статьи 46 Венской конвенции о праве международных договоров).

Вместе с тем, поскольку выражение Российской Федерацией согласия на обязательность для нее международного договора в нарушение того или иного положения Конституции Российской Федерации может выявиться только после принятия уполномоченным межгосударственным органом решения, основанного на истолковании конкретной нормы данного международного договора в смысле, приводящем к ее несогласованности с соответствующим положением Конституции Российской Федерации, речь в таких случаях идет не о действительности или недействительности для России международного договора в целом, а лишь о невозможности соблюдения обязательства о применении его нормы в истолковании, приданном ей уполномоченным межгосударственным органом в рамках рассмотрения конкретного дела.

В контексте приведенных положений Венской конвенции о праве международных договоров это означает, что решение уполномоченного межгосударственного органа, в том числе постановление

Европейского Суда по правам человека, не может быть исполнено Российской Федерацией в части возлагаемых на нее мер индивидуального и общего характера, если толкование нормы международного договора, на котором основано это решение, нарушает соответствующие положения Конституции Российской Федерации.

4. Россия присоединилась к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, стремясь обеспечить дополнительными гарантиями реализацию закрепленного в статье 2 Конституции Российской Федерации фундаментального положения о правах и свободах человека как высшей ценности в демократическом правовом государстве. В силу того что участие России в данной Конвенции, соблюдение которой призван обеспечивать Европейский Суд по правам человека, обусловлено задачей надлежащей реализации именно этого конституционного положения, гармонизация российского права с конвенционным, толкование и применение которого осуществляются Европейским Судом по правам человека в процессе рассмотрения конкретных дел, допустима лишь постольку, поскольку она не порождает противоречий с Конституцией Российской Федерации.

Будучи связанной требованием соблюдать вступивший в силу международный договор, каковым является Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация, тем не менее, обязана обеспечивать в рамках своей правовой системы верховенство Конституции Российской Федерации, что вынуждает ее в случае возникновения каких-либо коллизий в этой сфере – притом что Конституция Российской Федерации и Конвенция о защите прав человека и основных свобод основаны на одних и тех же базовых ценностях защиты прав и свобод человека и гражданина – отдавать предпочтение требованиям Конституции Российской Федерации и тем самым не следовать буквально постановлению Европейского Суда по правам человека в случае, если его реализация противоречит конституционным ценностям.

Соответственно, Конституционный Суд Российской Федерации не может поддержать данное Европейским Судом по правам человека толкование Конвенции о защите прав человека и основных свобод, если именно Конституция Российской Федерации (в том числе в ее истолковании Конституционным Судом Российской Федерации) как правовой акт, обладающий высшей юридической силой в правовой системе России, более полно по сравнению

с соответствующими положениями Конвенции в их истолковании Европейским Судом по правам человека обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе в балансе с правами и свободами иных лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Отступление от толкующих и применяющих Конвенцию о защите прав человека и основных свобод постановлений Европейского Суда по правам человека имеет место и в практике европейских государств, хотя также в исключительных случаях и при наличии достаточно веских причин, в том числе при выявлении конвенционно-конституционных коллизий, которые, как правило, касаются не столько основного содержания (существа) тех или иных прав и свобод человека как таковых (сформулированных в Конвенции самым абстрактным образом), сколько их конкретизации посредством толкования постановлениями Европейского Суда по правам человека, содержащими, в свою очередь, оценку осуществленных на национальном уровне толкования и реализации этих, а также сопоставимых с ними по содержанию прав, закрепленных конституциями государств – участников Конвенции.

Наиболее показательной в этом плане является практика Федерального Конституционного Суда Федеративной Республики Германия, опирающаяся на выработанную им в постановлениях от 11 октября 1985 года, от 14 октября 2004 года и от 13 июля 2010 года правовую позицию относительно «ограниченной правовой силы постановлений Европейского Суда по правам человека». В частности, при разрешении вопроса об исполнении постановления Европейского Суда по правам человека от 26 февраля 2004 года по делу «Гергюлю (Görgülü) против Германии» он следующим образом сформулировал принцип приоритета национальной конституции перед решениями Европейского Суда для целей национального правоприменения: во внутреннем правопорядке Конвенция о защите прав человека и основных свобод имеет статус федерального закона и наряду с практикой Европейского Суда по правам человека служит лишь ориентиром для толкования при определении содержания и сферы действия основных прав и принципов Основного Закона ФРГ и лишь при условии, что это не ведет к ограничению или умалению основных прав граждан, защищаемых Основным Законом ФРГ; решения Европейского Суда по правам человека не всегда обязательны для исполнения судами ФРГ, но и не должны

полностью оставаться без внимания; национальной юстиции следует учитывать эти решения надлежащим образом и осторожно приспособлять их к внутреннему законодательству. Вместе с тем, как полагает Федеральный Конституционный Суд ФРГ, средство достижения согласия с Европейским Судом по правам человека – это избегание конфликтов между внутренним и международным правом на начальном этапе рассмотрения дела в национальном суде, которые в принципе должны быть сведены к минимуму, поскольку оба суда используют одинаковую методологию (постановление от 14 октября 2004 года по делу 2BvR 1481/04 (BVerfGE 111, 307)). Схожая позиция была выражена им ранее – в отношении решений Европейского Суда справедливости (определение от 29 мая 1974 года по делу 2 BvL 52/71 (BVerfGE 37, 271) [«Solange-I»]).

Аналогичный подход использовал Конституционный Суд Итальянской Республики, не согласившись с выводами Европейского Суда по правам человека относительно трансграничных пенсионных выплат, которые были сформулированы в постановлении от 31 мая 2011 года по делу «Маджо (Maggio) и другие против Италии». В частности, в постановлении от 19 ноября 2012 года по делу № 264/2012 он указал, что соблюдение международных обязательств не может являться причиной снижения уровня защиты прав, уже заложенного во внутреннем правопорядке, но, напротив, может и должно представлять собой действенный инструмент расширения этой защиты; как следствие, противоречие между защитой, предусмотренной Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, и конституционной защитой основных прав должно разрешаться в направлении максимального расширения гарантий и при условии обеспечения надлежащего соотношения с иными интересами, защищаемыми конституцией, т.е. с другими конституционными нормами, гарантирующими основные права, на которые могло бы повлиять расширение отдельно взятой гарантии. О приоритете конституционных норм говорится и в постановлении Конституционного Суда Итальянской Республики от 22 октября 2014 года № 238/2014 в связи с решением Международного Суда ООН по делу о юрисдикционных иммунитетах государств (Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece Intervening), Judgment, I.C.J. Reports 2012): решение международного судебного органа в случае конфликта с основными конституционными принципами итальянского права делает невозможным какое-либо его восприятие в кон-

тексте статьи 10 Конституции Итальянской Республики, которая в обычных условиях предусматривает автоматическую рецепцию международного права в национальную систему.

Конституционный Суд Австрийской Республики, признавая значимость Конвенции о защите прав человека и основных свобод и основанных на ней постановлений Европейского Суда по правам человека, также пришел к выводу о невозможности применения конвенционных положений в истолковании Европейского Суда по правам человека, противоречащем нормам национального конституционного права (постановление от 14 октября 1987 года по делу № В267/86).

Верховный Суд Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в решении от 16 октября 2013 года ([2013] UKSC 63) отметил неприемлемость для британской правовой системы выводов и толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод в постановлении Европейского Суда по правам человека от 6 октября 2005 года по делу «Херст (Hirst) против Соединенного Королевства (№ 2)» относительно проблемы избирательных прав заключенных. Согласно его правовой позиции решения Европейского Суда по правам человека в принципе не воспринимаются как подлежащие безусловному применению, – по общему правилу, они лишь «принимаются во внимание»; следование же этим решениям признается возможным лишь в том случае, если они не противоречат основополагающим материальным и процессуальным нормам национального права.

Во всех приведенных случаях конвенционно-конституционных коллизий речь идет не о противоречии между Конвенцией о защите прав человека и основных свобод как таковой и национальными конституциями, а о коллизии толкования конвенционного положения, данного Европейским Судом по правам человека в постановлении по конкретному делу, и положений национальных конституций, в том числе в их истолковании конституционными судами (или другими высшими судами, наделенными аналогичными полномочиями). Оценивая нормы внутреннего законодательства на соответствие конституциям своих государств, эти национальные судебные органы при принятии решения исходят из того, какое толкование, с учетом баланса конституционно защищаемых ценностей и международно-правового регулирования статуса личности, лучше защищает права человека и гражданина в правовой системе данного государства,

имея в виду не только непосредственно обратившихся за защитой, но и всех тех, чьи права и свободы могут быть затронуты.

Хотя интерпретационная правоприменительная практика самого Европейского Суда по правам человека по тому или иному вопросу, накапливаемая в течение сравнительно длительного периода, может со временем изменяться, тем не менее его постановления, как представляется, должны обеспечивать более высокий — по сравнению с национальным регулированием — уровень защиты прав и свобод человека и гражданина. Однако неоднозначность такого предположения обнаруживается на примере дела «Константин Маркин против России», по поводу которого в 2010 году возник конфликт толкований между Конституционным Судом Российской Федерации и Европейским Судом по правам человека в вопросе о наличии или отсутствии дискриминации по гендерному признаку вследствие лишения мужчин-военнослужащих возможности получить трехгодичный отпуск по уходу за ребенком, предоставляемый женщинам-военнослужащим.

В этом деле, как и в других делах, затрагивающих проблему позитивной дискриминации, нарушение статьи 14 «Запрещение дискриминации» Конвенции о защите прав человека и основных свобод связано, как полагает Европейский Суд по правам человека, с предоставлением тех или иных преимуществ исключительно по объективному, не обусловленному индивидуальными особенностями лица признаку, например такому, как гендерная принадлежность. Причем в понимании Европейского Суда по правам человека дискриминация (а в рассматриваемом деле, следовательно, нарушение статьи 14 Конвенции) отсутствует и в случае «негативного равенства» — при отказе законодателя от предоставления права на отпуск по уходу за ребенком всем лицам, подпадающим под категорию военнослужащих, что, однако, означало бы снижение уровня защиты, который в России на сегодняшний день гарантирован, в том числе с учетом особой (связанной с материнством) социальной роли женщины в обществе, довольно многочисленной категории женщин-военнослужащих. По мнению же Конституционного Суда Российской Федерации, отсутствие дискриминации возможно при равенстве субъектов, принадлежащих к одной категории, в данном случае — женщин-военнослужащих, т.е. если предоставлению спорного права всем военнослужащим препятствуют специфика военной службы и необходимость обеспечения обороноспособно-

сти страны и безопасности государства, то его предоставление всем женщинам-военнослужащим в балансе конституционных ценностей допустимо.

Характерным примером наиболее очевидного расхождения с положениями Конституции Российской Федерации служит постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России», в котором наличие в российском законодательстве ограничения избирательного права лиц, осужденных по приговору суда, было признано нарушением статьи 3 «Право на свободные выборы» Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что прямо противоречит статье 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Согласие Российской Федерации на исполнение такого постановления означало бы нарушение ею статей 15 (часть 1), 32 (часть 3) и 79 Конституции Российской Федерации либо – в силу ее статьи 135 – необходимость принятия новой Конституции Российской Федерации, притом что присоединение к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и участие в ней России как правового демократического государства, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, обусловлено самим принятием, соблюдением и действием Конституции Российской Федерации.

5. Положения статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации приняты в порядке конкретизации статей 15 (часть 4), 17 (часть 1), 46 (часть 3) и 79 Конституции Российской Федерации.

В контексте конституционно защищаемых ценностей эти законоположения в их нормативном единстве, выступая в качестве важной правовой гарантии имплементации Конвенции о защите прав человека и основных свобод в правовую систему Российской

Федерации, одновременно призваны обеспечить согласованный процессуально-правовой порядок исполнения вынесенных в отношении нее постановлений Европейского Суда по правам человека, основанных на толковании и применении положений Конвенции.

5.1. Вопросы, возникающие в связи с исполнением постановлений Европейского Суда по правам человека, уже были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

В Постановлении от 26 февраля 2010 года № 4-П Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам: наличие в правовой системе государства процедур пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений, в связи с вынесением которых были констатированы нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, выступает в качестве меры, обязательность осуществления которой в целях реализации предписаний данной Конвенции вытекает из ее статьи 46 во взаимосвязи со статьями 19, 46 и 118 Конституции Российской Федерации, а следовательно, требует законодательного закрепления механизма исполнения окончательных постановлений Европейского Суда по правам человека, позволяющего обеспечить адекватное восстановление прав, нарушение которых выявлено Европейским Судом по правам человека; соответственно, федеральный законодатель обязан гарантировать возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений в случаях установления Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом общей юрисдикции конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека.

Постановлением от 6 декабря 2013 года № 27-П Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 4 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации во взаимосвязи с частями первой и четвертой его статьи 11 не противоречащими Конституции Российской Федерации. Выявляя конституционно-правовой смысл этих законоположений в системе действующего правового регулирования, он опирался на выводы, сформулированные ранее в Постановлении от 26 февраля 2010 года № 4-П, а также на следующие правовые позиции:

в процессе производства по пересмотру вступившего в законную силу судебного постановления в порядке пункта 4 части четвер-

той статьи 392 ГПК Российской Федерации суд общей юрисдикции, обязанный подчиняться только Конституции Российской Федерации и федеральному закону (статья 120, часть 1, Конституции Российской Федерации) и разрешать гражданские дела на основании Конституции Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации и законодательства Российской Федерации (часть первая статьи 11 ГПК Российской Федерации), может прийти к выводу о невозможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека без отказа от применения положений законодательства Российской Федерации, ранее признанных Конституционным Судом Российской Федерации не нарушающими конституционные права заявителя в его конкретном деле. В таком случае перед судом общей юрисдикции встает вопрос о конституционности указанных законоположений, повлекших нарушение соответствующих положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их интерпретации Европейским Судом по правам человека;

выявление неконституционных законоположений и их исключение из числа действующих правовых норм может являться только совокупным результатом взаимодействия судов различных видов юрисдикции с учетом разграничения их компетенции, предполагающего, с одной стороны, реализацию судом общей юрисдикции правомочия поставить вопрос о конституционности соответствующих норм перед Конституционным Судом Российской Федерации, а с другой – обязанность Конституционного Суда Российской Федерации окончательно разрешить этот вопрос. В связи с этим пункт 4 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации во взаимосвязи с частями первой и четвертой его статьи 11 не могут рассматриваться как препятствующие суду общей юрисдикции, осуществляющему производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного постановления по заявлению лица, в отношении которого Европейским Судом по правам человека было констатировано нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, обусловленное применением в его деле положений законодательства Российской Федерации, приостановить производство и обратиться с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке их соответствия Конституции Российской Федерации. Вынесение в таких случаях судом общей юрисдикции решения по результатам рассмотрения заявления о пересмотре вступившего в законную

силу судебного постановления в порядке пункта 4 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации без предварительного обращения в Конституционный Суд Российской Федерации означало бы, что в практике судов общей юрисдикции допускается возможность различной оценки конституционности одних и тех же законоположений и тем самым – в нарушение требований Конституции Российской Федерации, в том числе ее статей 3, 4, 15 и 76, – ставится под сомнение верховенство Конституции Российской Федерации, обладающей в правовой системе Российской Федерации высшей юридической силой по отношению к любым правовым актам, действующим на территории Российской Федерации.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированные применительно к порядку пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу, в рамках гражданского судопроизводства, имеют универсальный характер и потому в полной мере распространяются на другие виды судопроизводства.

5.2. В порядке реализации Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 года № 27-П Федеральным конституционным законом от 4 июня 2014 года № 9-ФКЗ статья 101 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» была дополнена частью второй, согласно которой суд при пересмотре в случаях, установленных процессуальным законодательством, дела в связи с принятием межгосударственным органом по защите прав и свобод человека решения, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции Российской Федерации, обращается с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности этого закона.

Названное законоположение и находящиеся в системном единстве с ним положения пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2

части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации являются, таким образом, правовым средством обеспечения верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации при разрешении возможных коллизий между содержащимся в постановлении Европейского Суда по правам человека толкованием Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека и положениями Конституции Российской Федерации. При этом указанные законоположения – по своему конституционно-правовому смыслу в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – во всяком случае обязывают суд общей юрисдикции, арбитражный суд, осуществляющий производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного акта по заявлению лица, по жалобе которого Европейским Судом по правам человека было принято постановление, констатирующее нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод положениями законодательства Российской Федерации, примененными в деле этого лица, приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке их соответствия Конституции Российской Федерации.

5.3. Если постановление Европейского Суда по правам человека, вынесенное по жалобе против России, основано на толковании положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, приводящем к их противоречию с Конституцией Российской Федерации, такое постановление – по смыслу статей 4 (часть 2), 15 (части 1 и 4), 16 (часть 2) и 79 Конституции Российской Федерации – не может быть исполнено. Соответственно, если органы государственной власти Российской Федерации, к компетенции которых относится обеспечение применения Конвенции как международного договора Российской Федерации, приходят к выводу о том, что такое противоречие имеет место и что действия и решения, которые требуются для исполнения постановления Европейского Суда по правам человека, могут привести к нарушению положений Конституции Российской Федерации, встает вопрос о действительном смысле этих положений в контексте возникшего противоречия и международных обязательств России.

Данный вопрос, как следует из статей 118 (часть 2) и 125 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 15

(части 1 и 4) и 79, по своей юридической природе подлежит разрешению в порядке конституционного судопроизводства. По смыслу действующего правового регулирования, это возможно посредством толкования соответствующих положений Конституции Российской Федерации, осуществляемого Конституционным Судом Российской Федерации по официальному запросу уполномоченных субъектов в целях устранения неопределенности в понимании этих положений применительно к возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 125, часть 5, Конституции Российской Федерации; глава XIV Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Причем как инструмент обеспечения верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации такое толкование может применяться и в том случае, если исполнение (в части принятия мер индивидуального и общего характера) вынесенного по жалобе против России постановления Европейского Суда по правам человека осуществляется (может осуществляться) и без участия судов.

6. Вопросы, связанные с европейской системой защиты прав человека и ролью Европейского Суда по правам человека в качестве ее контрольного механизма, активно обсуждаются и на самом высоком международном уровне. Участники таких обсуждений, в том числе имевших место на конференциях в Интерлакене (2010 год), Измире (2011 год) и Брайтоне (2012 год), высказывают взаимоисключающие мнения — от заявлений о недопустимости каких-либо посягательств на дух и букву Конвенции о защите прав человека и основных свобод и полномочия Европейского Суда по правам человека до резкой критики этих институтов как устаревших и утративших к настоящему моменту правовую и социальную легитимность, тем более если учесть, что многие актуальные и острые проблемы изначально, при заключении Конвенции и учреждении Европейского Суда по правам человека, вообще не входили в сферу его юрисдикции.

К наиболее заметным результатам состоявшихся дискуссий можно отнести предложение конференции в Брайтоне о включении в преамбулу Конвенции о защите прав человека и основных свобод

упоминания о «принципе субсидиарности» (principle of subsidiarity; principe de subsidiarite) и «доктрине свободы усмотрения» (margin of appreciation; marge d'appréciation) и внесение Комитетом Министров Совета Европы на рассмотрение государств-участников соответствующих поправок в виде Протокола № 15 к Конвенции, который открыт для подписания с 24 июня 2013 года. С учетом этих поправок конструктивным способом преодоления расхождений и предотвращения правовых конфликтов между суверенными государствами — членами Совета Европы может стать готовность к сотрудничеству, построенному на понимании и принятии одной стороной определенных, уместных лишь в рамках общих базовых принципов, оговорок относительно вопросов, по которым другая сторона уступать не готова.

Однако взаимодействие европейского и конституционного правопорядка невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами является основой их надлежащего равновесия. Именно такого подхода призван придерживаться в своей деятельности Европейский Суд по правам человека как межгосударственный субсидиарный судебный орган, и именно от уважения им национальной конституционной идентичности государств — участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод во многом зависит эффективность ее норм во внутригосударственном правопорядке. Особое внимание наднациональных органов к базовым элементам этой конституционной идентичности, которые образуют внутригосударственные нормы о фундаментальных правах, а также гарантирующие эти права нормы об основах конституционного строя, позволит снизить вероятность конфликта между национальным и наднациональным правом, что, в свою очередь, во многом будет определять — при сохранении конституционного суверенитета государств — эффективность всей европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина и дальнейшую гармонизацию европейского правового пространства в этой области.

В Российской Федерации разрешение подобного рода конфликтных ситуаций возложено — в силу Конституции Российской Федерации — на Конституционный Суд Российской Федерации, который лишь в редчайших случаях считает возможным использовать «право на возражение» ради внесения своего вклада (вслед за коллегами из Австрии, Великобритании, Германии и Италии) в

формирование сбалансированной практики Европейского Суда по правам человека, но не ради самоизоляции от его решений, которые отражают консенсус, выработанный государствами – участниками Конвенции, а исходя из необходимости конструктивного взаимодействия и взаимоуважительного диалога с ним. В таком контексте Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 года № 27-П, так же как и настоящее Постановление, следует рассматривать как стремление избежать серьезных осложнений в отношениях России не только с Европейским Судом по правам человека, но и с Советом Европы в ситуации, при которой постановление Европейского Суда по правам человека предполагает внесение в российское законодательство изменений, чреватых нарушением закрепленных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина, причем гораздо более существенным, нежели то, против которого возражал Европейский Суд по правам человека.

Если Конституция Российской Федерации не позволяет согласиться с отдельным постановлением Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации обязан отразить это несогласие в своем решении. В то же время, признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина, частью которой является постановление Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, но определение степени своей готовности он оставляет за собой, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации.

Свидетельством такого – основанного на Конституции Российской Федерации – подхода Конституционного Суда Российской Федерации является последовательная имплементация им положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского Суда по правам человека в российскую правовую систему. Более того, Конституционный Суд Российской Федерации признает значимость его деятельности по выявлению недостатков национального правового регулирования и по предложению путей к их устранению. Вместе с тем наличие в практике Европейского Суда по правам человека проблем, связанных с отступлением от принципа субсидиарности, создает, по мнению Конституционного Суда Рос-

сийской Федерации, риск возникновения ситуаций, при которых ориентация на достаточно абстрактные нормы Конвенции может привести к игнорированию воли конституционного законодателя в межгосударственной правовой конструкции, не предполагающей передачи ей такого элемента государственного суверенитета.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку на основании данных положений по их конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования:

обеспечивается применение Конвенции о защите прав человека и основных свобод как многостороннего международного договора Российской Федерации в качестве составной части ее правовой системы и исполнение принимаемых на основе Конвенции постановлений Европейского Суда по правам человека, выступающего в качестве субсидиарного межгосударственного судебного органа по конкретным делам в случаях, если исчерпаны все конституционно установленные внутригосударственные средства судебной защиты;

суд общей юрисдикции, арбитражный суд при пересмотре в установленном процессуальным законодательством порядке дела в связи с принятием Европейским Судом по правам человека постановления, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо от-

дельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции Российской Федерации, обращается с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности этого закона; во всяком случае суд общей юрисдикции, арбитражный суд, осуществляющий производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного акта по заявлению лица, по жалобе которого Европейским Судом по правам человека было принято постановление, констатирующее нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод положениями законодательства Российской Федерации, примененными в деле этого лица, обязан приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке их соответствия Конституции Российской Федерации;

государственные органы, на которые возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров, участницей которых она является, — придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского Суда по правам человека вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией Российской Федерации, — правомочны обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации для решения вопроса о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения данной Конвенции; в случае если Конституционный Суд Российской Федерации придет к выводу, что постановление Европейского Суда по правам человека, поскольку оно основано на Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не может быть исполнено, такое постановление в этой части не подлежит исполнению; Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации — поскольку на них возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров, участницей которых она является, — придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по

жалобе против России постановление Европейского Суда по правам человека вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией Российской Федерации, правомочны обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о толковании соответствующих положений Конституции Российской Федерации в целях устранения неопределенности в их понимании с учетом выявившегося противоречия и международных обязательств России применительно к возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Этим не исключается правомочие федерального законодателя — исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, — предусмотреть не противоречащий юридической природе Конституционного Суда Российской Федерации и его предназначению как высшего судебного органа конституционного контроля специальный правовой механизм разрешения им вопроса о возможности или невозможности с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского Суда по правам человека, в том числе в части мер общего характера.

2. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

3. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Содержание

<i>В.Е. Чуров, Б.С. Эбзеев. Глобализация. Международные гуманитарные стандарты. Суверенитет России</i>	3
Вводные замечания	3
Глобализация и конституционное опосредование общепризнанных принципов и норм международного права.....	8
Становление международных гуманитарных стандартов: нормативная база и тенденции развития	15
Государственный суверенитет России и европейский гуманитарный консенсус: условия совместимости и механизм взаимодействия	26
Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы.....	50

В.Е. Чуров, Б.С. Эбзеев

**Глобализация.
Международные гуманитарные стандарты.
Суверенитет России**

РЦОИТ при ЦИК России.
109012, Москва, Большой Черкасский пер., д. 7.
Подписано в печать 30.07.2015. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Печ. л. 5. Тираж 700 экз.

Допечатная подготовка ООО «МедиаПресс».
121170, Москва, Кутузовский пр-т, 36, стр. 3

Отпечатано в типографии «Буки Веди».
Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58